

Алексей Аберетко

Жикитора Агнешка

12+

Алексей Евгеньевич Аберемко

Кикимора Агнешка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66064764

SelfPub; 2021

Аннотация

Агнешка после приключений в Европе решила поселиться на Руси. Там её другом был молодой маг, здесь же, как не обратить внимание на богатырей русских? Сказки слушать легко и приятно, потому что сразу ясно: здесь – добро, а вот там – зло злющее. А если сказку рассказывать от лица этого самого зла, то как получится? У зла ведь тоже могут быть друзья и дети. Соловей-разбойник может оказаться отцом кикиморы. Богатыри тоже бывают слабыми, а кикиморы – милыми. Вы скажете: «Это уже не сказка, а жизнь, получается». Ну, это как кому нравится.

Содержание

Былина	4
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	73
Глава 7	81
Сказке конец	89

Алексей Аберемко

Кикимора Агнешка

Былина

Седой старик сел за стол в придорожной корчме, положил поперед себя гусли, потёр друг об дружку озябшие руки и провёл перстами по струнам. По помещению поплыл мягкий перелив, баян стал напевно излагать:

«Ой вы гой еси, люди русские!

Расскажу я вам, добры молодцы,

Расскажу я вам, вы послушайте,

Вы послушайте сказку дивную.

Сказку дивную, быль правдивую.

Всё случилось в Карачарове.

Во селении подле Мурома

Жил Добрынюшка Филаретович.

Филарета сын, попа местного.

Был он немощен, тот Добрынюшка:

Он ходить не мог, на печи лежал.

И пришла к нему млада девушка,

Завлекла его разговорчиком.

Разговорчиком, да своей младостью.

Когда не было в избе родителей,

Превратилась девка в бабу старую.
Бабу старую, Ягу страшную.
Не поддался ей наш Добрынюшка,
Погнал бабу ту крестным знаменьем,
Крестным знаменьем, да молитвою.
А на утро в дом человек пришёл.
Не простой человек, Никодим святой,
Из монашеской, из обители.
«Встань, Добрынюшка, – Никодим сказал, -
Да подай ты мне хмельной браженьки».
И Добрынюшка его послушался,
Встал на ноженьки неходячие
И поднёс святому ковш с напиточком.
Одарил монах его по-великому,
Не сокровищем, но силой сильною.
Силой сильною, богатырскою.
И прославился тот Добрынюшка
Ратным подвигом не единожды.
Соловья убил он Разбойничка,
На Угре стоял он с дружиною
Князя Вологды, Андрея Меньшого.
И за подвиги, да за ратные,
Полюбился тот Добрынюшка
Красавице, родне княжеской,
Забавушке, свет Путятишне.
Добрый молодец с девкой красною

Пожились, обвенчавшись.

Моя сказочка на том кончается.

Пересохло от неё моё горлышко.

Коль понравилась, поднесите-ка

Чарку малую деду старому».

Внимательно слушавший былину торговый, ремесленный и военный люд, в достаточности набившийся в корчму погреться, как только баян¹ закончил былинку, взорвался гулом возмущения:

– Кривду² баешь³!

– Добрыня был не Филаретович, а Никитич!

– Это Илья – Муромец, а Попович – Алёша!

– И не может Яга молодой стать, а потом, наоборот!

– Не поднесём чарки, обойдёшься.

Когда гул голосов начал стихать, от перегородки, отделявшей комнату корчмаря от общего обеденного помещения слышался спокойный голос корчмаря:

– Не врёт он, а говорит, что знает. Был такой парень, Добрыня Филаретович, может и сейчас где живёт, не ведаю. Богатырь – не богатырь, о том не мне судить. И про жизнь его семейную кривить не буду: не ведаю. И Соловей-разбойник был, хороший мужик, правильный, поболее бы таких, хоть и нечисть, и Баба Яга. Только в молодуху не превращалась.

¹ Сказитель.

² Неправда.

³ Говоришь.

Молодая – то кикиморка, Агнешка. А баян – тот самый Никодим-старец и есть. Только не святой он: его из монастыря за развратные делишки попёрли, – говоривший заметил умоляющий взгляд баяна и успокоил, – не трясись, не скажу, за какие. Живи сам с этим грехом. За то, что молодость дал вспомнить, я тебе чарочку горячего вина⁴ сам поднесу. Пост, слава тебе Господи, уже кончился. Да не сивухи⁵, не полугар⁶ даже, своей знаменитой кикиморовки налью. Её меня, к слову сказать, тот самый Соловей-разбойник варить и научил.

Фёдор, хозяин питейного заведения, мужчина крепкий, ещё не старый, налил не скупясь из бочонка в глиняную кружку бурой жидкости. Баян схватил её двумя руками, губы припали к краю, кадык и седая борода задвигались в такт жадным глоткам. Корчмарь, меж тем, налил и себе кружечку, чего не припомнили даже завсегдатаи. Лицо Фёдора, и так казавшееся суровым из-за страшного шрама, распахавшего между через всё лицо наискосок, стало совсем угрюмым. Мужчина сел на лавку, глотнул из кружки, перекрестился, опустил подёрнутую первой сединой голову, и так сидел некоторое время, погружённый в глубь прожитых лет. Потом он выпрямился, обвёл помутневшим взглядом присутствующих и сказал:

– А теперь послушайте мою сказочку.

⁴ Водка.

⁵ Низкокачественная водка.

⁶ Высококачественная водка.

Глава 1

Про молодость мою разгульную рассказывать не стану: стыдно. Не подумайте, татем⁷ в то время ещё не слыл, душегубством, либо скотоложеством не баловался. Шалил по молодечеству, да по делу хмельному. Отец с матерью тогда уже померли, не дожили до позора. Воспитывала меня тётка старая, родня дальняя. Своих у неё было четверо, и младше меня и постарше двое было. Работников хватало: все мальчишки. Я же, по бездельности характера, числился обузой бесполезною. Не избавились от меня до тех пор, по причине, что не холопом я был, но смердом князя Андрея Меньшого, с наделом земельным, родителем, оставленным. Дошалился, что из деревни выгнали. И пойти бы мне в монастырь на покаяние, да вернуться через полтора годика с извинением. Под рождество, либо в масляную неделю желательно, когда люди сытые, оттого – добрые. Но знаете, как у юношей бывает: выиграло ретивое⁸, обида за неприятное наказание. Гордость проснулась, ничем не подкрепленная, да самомнение подростковое. «Уйду от вас, – мне тогда подумалось, – сами жалеть станете! Слезами умоетесь!». Кто жалеть будет и почему, я не задумывался, да и сейчас не понимаю. Топор взял

⁷ Вором, устар.

⁸ Сердце, устар.

с собою, верёвку пеньковую, тулуп да треух заячьи, два каравая и ушёл я, куда глаза глядят.

В поселениях, а тем больше в городе, обосновываться не хотелось. Неровен час, царь наш батюшка, Иван, зачнёт ратиться с ханом ордынским Ахматом, либо с королём литовским Казимиром. Не хотелось боевым холопом в рать призываться. Нашёл в лесу близ села Карачарова избушку охотничью, заброшенную. Стояла она на пне сосны спиленной. Пеньёк чуть не в две косые сажени высотой, чтобы зверь лесной не безобразил. Забрался внутрь, осмотрелся. Видать дичь поизвелась в тех краях, либо охотники поизвелись, но жилищем давно не пользовались. Подлатал, как мог, и начал жить.

Лето пролетело в приятных удовольствиях: лес давал грибы и ягоды в достаточности, река – рыбу и раков, Мёда дикого раздобыл, медовушку поставил. Потом, как всегда внезапно, грянула осень, за ней – зима. Провизия, которой, казалось, заготовил вдосталь, как-то быстро закончилась. Печь чадила нещадно. Крыша сначала текла сквозь лапник прохудившийся, а под снежным покровом и вовсе рухнула. Напятил я треух на головку буйную, закутался в тулупчик старенький, допил медовушку последнюю, да и лёг под стропило, упавшее, умереть собираючись.

Кто скажет вам, что от мороза сметь сладкая, не верьте тому, потому что очень холодно. А когда холодно, в том нет приятствия. Так лежал я сна последнего дожидаячись, добрым словом поминая раба Божьего Фёдора-мученика. И от

слёз за душу, не отпегую, на глазах от мороза веки слиплись. Разбудило меня ощущение, что смотрит кто-то на меня внимательно. Раскрыл я веки, и они раскрылись, будто и не прилипали друг к друженьки. Что увидел я, доказало, что в живых я уже не числюся: лежал я не на полу, а на полатах, а изба оказалась починенная. Возле печки, жар распространяющей суетился мужик, постарше меня. По полкам шуровал дед древний, морщинистый, как кора дуба, с длинными нечёсаными волосами на голове и бороде, одет в лохмотья, лишайники напоминающие. А напротив меня девчушка стоит востроносенькая, с косичками соломенными, да в сарафанчике, чудно расшитом узорами. Глазками чёрными так и зыркает, да говорит, чудно так:

– Гутен морген, хер!

Я, хоть и померший был, взвился на раз:

– Какой это я тебе хер?! Что сразу, морден?! На свою погляди, ёжкин блин!

Вскочил я с полатей, а тот, кто в печи шуровал, мигом встал между мной и девушкой, да так ловко, что я глазом моргнуть не успел:

– Пшепрашам, хвопец⁹, – вытянул он в мою сторону свою руку узловатую, – то не хер, ччто есть хер, а, в жначенье, пане. В крае, гдже жила моя цурка¹⁰, так паны называчся.

Тут я и успокоился. Паном меня, конечно, ещё никто не

⁹ Извини, парень, польск.

¹⁰ Дочка, польск.

чувствовал, но знал я, что прозвание это уважительное. Опухшее, как у пьяницы запойного, лицо не казалось опасным, а усталость вековая в глазах покрасневших выдавала человека бывалого. Руку, однако, пожать я поостерёгся покудова. Тот старый, что по имуществу моему шарился, тоже в мою сторону повернулся, посмотрел, как на телушку, что для покупки присматривают, отвернулся к мужику нерусскому, да молвил голосом скрипучим, будто дерево клиньями расщипывают:

– Вот здесь обитать и будешь. Этого, – дедуля дёрнул подбородком в мою личность, – Федькой звать. Он пропащий, навроде тебя, сдружитесь, небось.

– Погодь, отец! – возмутилась моя гордыня. – А хозяина спросить, ёжкин блин?!

– А кто тут хозяин? – наглец стал осматривать горницу. – Нетути! То, что занял домишко, как лиса – барсучью нору, не делает тебя хозяином. Я и так тебе милость великую явлю, что домового привёл, да вместе мы тут ремонт справили. К утру бы уже на том свете с чертями беседовал, или в кого вы люди там веруете.

– Мы – люди? А вы тогда, кто?

– Не подпечник¹¹ я, а кикимор! – почти сразу с моим вопросом и ответ от неруси пожаловал.

– Кикимор в моём лесу и так в достаточности, вакансии закончились. До весны с дочуркой здесь перебыётесь, там по-

¹¹ Домовой.

глядим.

– Не хочу на фатер шея сидеть. Вы давать мне свой арбай-тен... работа, – взвилась до сих пор рта не разевавшая черноглазая, ихь бин кайн юнгес мэдхен¹².

– Хватит, Агнешка, по-тарабарски молоть. Знаю, вы, кикиморы, быстро языки перенимаете. Говори по-нашенски, – приказал дед, – а что не маленькая, понял уже. К Бабе Яге в ученицы пойдёшь?

– Баба Едза? Ведзма-людожёрка? Добже¹³! – обрадовалась девчушка.

И тут, братки, стало мне тоскливо-претоскливо от таких новых знакомств. Я уже смекнул, что леший семейку кикимор мне в сожители определяет. Конечно, двум смертям не бывать, но за душу свою очень боязно стало. Зря я, видно, хождением в церковь пренебрегал частенько, да молился без усердия. Вот – с нечистью спутался! А при мысли о Бабе Яге, сердечко и вообще в пятки прыгивало.

– Добже вечур, – снова протянул руку, – пана име Федька? Ма име – Марек.

На Федьку я обиделся и поправил, руку пожимаючи:

– Фёдор Никифорович я! По разнице лет можешь величать просто Фёдором.

– А это – Агнешка, – притянул и обнял мужик девушку с косичками, – Цурка, дочка моя. Мы – кикиморы.

¹² Я не маленькая девочка, нем.

¹³ Баба Яга? Ведьма-людоедка? Хорошо! польск.

– Да понял уже, – смирился с неизбежным я, – где ж разместить вас, изба-то невеликая.

– Мы не жием в избе. Ни, правильно: жием, но нас не выдачно и не слычайно. Появляемся, кожда надо. Ежли заприжнячаем с паном, шкodu не делаем, только корысть.

– Да я бы и рад заприятельствовать, да не чем.

– Раз надзём, – в руках гостя по волшебству возникла бутылъ вина зелёного, – потом нельзя: пан чествовать повинен.

– Фу, пьянь, – выругался леший и потянул Агнешку за руку, – пойдём, дочурка, с твоей учительницей познакомлю.

Так и почали мы с Мареком век вековать, зиму зимовать. Научил кикимор меня, что и зимой кое-что съедобное в лесу разыскать получается, ежели умеючи. Токма животных всяких бить не позволял. Говорил, что зверь тоже душу имеет. Ну тут, что взять: нечисть необразованная, некрещёная.

А по весне, по замыслу Марека, стали мы кирпичи лепить, обжигать, да печь из них на полянке перед избой складывать. Очень ему о винокурне мечталось. Кикимор к той поре уже бойко по-нашему изъяснялся. Только пришепётывал временами:

– Котёл кожда глиняный ставить, дров много поджебно, и горячку гегуловать чажко. Хвосты и головы попадут. Качество неправильное.

Тут я опешил:

– Какие хвосты?! Какие головы?! Говорил же, что зверюгу бить неправильно. Ты что, нечисть, из рыбы самогонку ва-

рить удумал? Или из живых человек?! Да я тебя, ёжкин блин!...

– Не кипячись, – Марек растаял в воздухе, уйдя от моего могучего удара и появился на безопасном расстоянии, – то не людovy головы и не рыбные хвосты. Так прозывают первак, сивуху, плохое вино. После него голова болит.

– А что ж с вина голове не болеть? – не понял я, – На то оно и вино. На другой день похмеляешься, не работаешь. Святое дело! И поучительно: с первака и вправду не то что пить, жить не хочется. Не принимаешь на грудь седмицу, и дела в справу идут. А будь вино вкусным? Тогда, глядишь, и бабы себе для веселья наливать станут.

– Всё одно, железо надо шукач¹⁴.

– Железо дорого, цены не сложишь.

– Рыщежа поймать, розебрач¹⁵, дюжо железа будет.

– Нет у нас рыцарей, не водятся. А у богатырей кольчуги дырявые, шелом, поручи, да поножи, котёл не skleпaeшь. Да и как богатыря то словишь? Он ведь драться начнёт.

Больше к этому разговору не возвращались, покуда Марек не пропал дней на пять, а появился взлохмаченный, да взволнованный:

– Вышукал рыщежа! Да не единого, дюжо рыщежей! Пан литовский Казимеж пану татарскому Ахмату подарки везёт, союз заключить хочет против Руси. Мне один наш поведал,

¹⁴ Искать, польск.

¹⁵ Раздеть, польск.

из кабацких подпечников. Дюжо там железа едет.

– Союз против Руси-матушки?! Не дозволим супостатам! Но как же мы казимировских рыцарей одолеем? – опешил я. – Там все – псы натасканные.

– Человек выше мощи, страха своего боится. На тигрису смело идёт, а от тени мыши утекает. А уж выстрашач мы, кикиморы, умеем. Рожу жуткую изображу, звизгну, крикну, варкну, сами с коней спадают. А ты палкой по гловке стукнешь.

Вот ты говоришь: разбой. А я бы сказал: воинская вылазка. А что бы случилось, ежели те подарки от Казимира к Ахмату попали? Неизвестно чем бы стояние на Калке завершилось до сих пор бы мзду Орд платили. Посему, мы с Марекком чистые патриоты и есть. Герои Руси. А добра там было и вправду богато. Еле на двух лошадях довели, да ещё на одной – доспехи рыцарские для котла кикиморского. Лошадушек я цыганам загнал, да попытался задорого, чтобы подозрений не было. Всё равно обдурили, черти: серебро по краям обрезанное подсунули.

Тут, как раз Агнешка, дочка марекова заявила. «Каникулы», – говорит. Что за слово такое, каникулы, я сперворядь не понял, потом только докумекал, что это отдых такой посередь учёбы. Девчушка вообще как-то не так после ягиного обучения говорить стала. Вроде, по-нашему, но словечки какие-то непонятные. Я соображаю, что так ведьмы говорят, да чернокнижники.

Агнешка как увидела то добро, что мы с родителем её добыли, набросилась на батю, да давай его на языке их шипящем матюками крыть. Как понял, что матюками? Да с таким громким визгом только матюками и разговаривают, не иначе. Поуспокоившись, сказала, что не интересно ей жить с разбойниками, пойдёт путешествовать по городам, да по сёлам. Ну и ладно.

А мы с Мареком винокурню соорудили, тут он мне рецепт кикиморовки и поведал. Нет, не раскрою! И за деньгу не раскрою! Отвяжись! Марёна, что за шум? Мука пришла?

Чего орёте там?! Не нанимался я вам в баюны. Разгружу сани, будет и сказочка. Муки привёз. Баба Матрёна сусло поставила, блины будут. Поможете? Ну, спасибо!

Ух, сегодня морозец даёт! Ну, коль дело сделано, слушай сказочки моей продолжение. На чём я там остановился? Секрет кикиморовки вам хотел открыть? Врёшь, злодей! Про то, как мы с Мареком винокурню мастерили, да Агнешка пришла? Ну да...

То, что сейчас скажу, сам не видел, кикиморка поведала. Пошла она на свою каникулу в село Карачарово, что под Муромом, с домовыми знакомиться, да дружбу заводить. Походила по избам, поглядела. Эти домовые, народ не шибко разговорчивый, скучно девоньке стало. Набрела она на избу, в которой и домового никакого не водилось, по причине избы этой для нечисти весьма неудобственной: в ней поп местный проживал, Филарет, с женой Настасьей и сыном, отро-

ком убогим, Добрыней.

Добрыня с малолетства ног лишён был. Ну, не то чтобы совсем культы были, обе глезны¹⁶ наличествовали, но по своему предназначению работать отказывались. Таковое испытание Бог на парнишку возложил. А Агнешка, к слову сказать, к убогим парням страсть имела. Марек поведал, что она ещё в Неметчине с учеником колдуна какого-то спуталась, за что её этот самый колдун, чуть не до смерти ухайдакал¹⁷. Благо, отец, Марек, то бишь, вмешался вовремя. От той напасти на Русь и подались. Но это – другая сказка¹⁸.

Вот к тому пареньку Агнешка и стала захаживать, куда отца да матери в избе не было. Представлялась, знамо дело, простушкой деревенской, не кикиморой. Не просто в избе объявилась, а вошла, как порядочная, через сени, доброго дня пожелала.

– Да по мне, что день, что ночь, добрыми редко случаются, – Добрыня отвечивал, – только ежели батюшка на солнышко вынесет, птичек послушать, тогда – приятно. А ты кто, девка, сама будешь?

– Агнешка я. Мы тут в селе с батюшкой проездом из Муррома.

– Где это видано, чтобы крестьяне посреди работ по го-

¹⁶ Ступни, устар.

¹⁷ Замучил, побил, убил, устар.

¹⁸ Подробнее об отношениях кикиморки Агнешки и Леопольда де Сегюр де Салиньяк де Борн рассказано в книге «Хроники великих магов. Абрамелин».

стям ездили? Сенокос вовсю идёт. Вы не от князя своего беглые?

– Вот тоже придумал, глупый. Не от князя, а по княжескому повелению, – не моргнув, врала кикимора бессовестная, – отец лес местный осматривает. Деловую древесину заготавливать будут.

– А что её осматривать, древесину-то? Дерево, они и есть дерево. В дело любое сгодится. А нет – на дрова.

– На дрова, понятно, любая палка пойдёт. А вот корабль строить, тут дерево не каждое по качеству пройдёт. Мачты делать, шпангоуты всякие.

– Чудно ты как-то говоришь. Слова диковинные сказываешь: шпангоуты. Неужто князь наш ладьи новые строить вознамерился? Почто они ему? С Нижним торговые дела вести?

– Дело секретное, государственное, – решила прервать враньё Агнешка, – больше ничего сказать не имею права.

– Государево? Неужто сам царь на Орду по Волге пойдёт?

Кикимора с важным видом приложила перст к устам и хитрехонько так сощурилась. Потом об ином спросила:

– А ты, что валяешься посреди дня? Заболел или бездельник?

– Хворый я, – насупился Добрыня, – ноги не ходят. Рад бы чего мамане с папаней пособить, да немощен.

– Да, дела! – кикиморка призадумалась, потом придумала, – Давай тебе каталку соорудим, чтобы из избы мог выезжать и родителям помогать.

– А что за чудо чудное, каталка? Маманя сказывала сказку, как ленивец один на печи из избы ездил. Так то – сказка, небыль. И ещё рыбу волшебную выловить требуется, а она, думается, редкая, да и батя не одобрит. Он говорит, что колдовство всякое, оно – от дьявола.

– Какой ты дурной! Не про колдовство я говорю, а про инженерную конструкцию.

– Вот – ещё одно слово бесовское.

– Не перебивай! Я телегу имею ввиду.

– Телега в дверь не пройдёт.

– Маленькую тележку, не больше той, на которой навоз из коровника вывозят.

– Я – не навоз!

– У-у-у! Заткнись! Давай я тебе лучше нарисую.

В руках у Агнешки, как по волшебству появилась берестина. Хотя, почему как? По волшебству и появилась. Девчушка вытащила уголёк из печки и начала что-то калякать. Не хотел хвастать, а похвастаюсь: коляску ту я выдумал. Ну, не всю в целости, мысль подал, что хворого не на закорках выносить, а на тележке малой. Марек предложил корзину плетёную с дырками для ног на колёса поставить. Так и отроку удобнее сидеть будет, и толкать не так тяжко, как тёсовую. Доску тоже он вообразил к крыльцу прибить, чтобы колёса по ступеням не прыгали, душу из мальчика вышибаючи. Такую вот диковину и нарисовала Агнешка на коре берёзовой. Добрыня сразу в отказ подался. Мол, что ещё за глупости, дев-

ка ремёсла выдумывает, да мужиков им учит! Но грамотку с малеваньем не выбросил, под подушкой схоронил.

Какова была беседа отца Филарета с сыном, не ведаю, не присутствовал, а только на третью среду привёз он из города Мурома механизму невиданную от ремесленников тамошних. А уж они-то расстарались: колясочка вышла на заглядение. Сидел Добрыня не в корзине простенькой, а на троне, навроде княжьего, со спинкою, да подлокотниками, только из лозы ивовой плетёного. Колёса были сделаны с резными спицами, сзади – крупные, поперёд – мелкие, как было и нарисовано. К коляске ручечка была приделана, чтобы толкать её с седоком сподручнее.

Добрыня уж так обновке радовался, что заставлял себя катать с утра до вечера. Родители попервой тоже радовались, а потом стали отлынивать: нет времени весь день катать убогого, есть иные дела хозяйские. И тут нашлась Агнешка хитрая:

– А ты сам себя катай. До колёс руками достаёшь, вот и толкай. Чтобы повернуть – одно колесо вперёд вращай, а другое – назад.

Попробовал Добрыня, а руки-то слабые, не сдвигают колёса тяжёлые. Закручинился, а кикимора опять тут как тут с идеею:

– Тебе нужно гимнастикой заниматься. Так мой один знакомый рыцарь делал, Леопольд, чтобы потом мечом легче было фехтовать.

– Что делать?

– Не важно. Давай я тебе нарисую, что помню. Сначала разминку делаешь, потом берёшь поленья у печи, и с утяжелением продолжаешь.

– Тяжкенько! – пожаловался Добрыня.

А кикимора злобная не унимается:

– А ты – через тяжкенько! Выходи из зоны комфорта!

– Кудась выходить?

– Жалеть себя переставай!

– Злая ты девка! Век тебе мужа с таким характером не сыскать.

И пошла у них гимнастика заморская. Вскоре стал отрок по избе езживать, а потом и во двор по досточке спускаться. Сперва через весь двор пронёсся, да в плетень врезался, потом научился останавливаться. Спустя седмицу и наверх по досточке заезжать научился, без агнешкиной помощи. И всякая-то работа Добрыне нравится: и курей накормить, огурцов да гороху, где достанет, нарвать. Хоть помощь и невеликая, а родители не нарадуются: отпустила тоска Добрынюшку. А Агнешка подзадоривает:

– Так и на коне скакать научишься. Я из тебя рыцаря сделаю.

– Лучше – богатыря. Рыцарь, как-то не по-нашему.

Слушал я, братки, как каждый раз, приходя к Мареку, взахлёб радуется маленькая кикиморка достижениям дружка своего, понимаю, что затеплился в грудке огонёчек яркий.

И разговаривала она с отцом на наречии нашем не потому, что вежливость ко мне имела, а по желанию поделиться со всем миром великой радостью. От желания сделать больше для дружка своего милого, и случилось со всеми нами приключение.

Прибежала раз Агнешка вся запыханная, да с порога так заявляет:

– Папа, и ты, дядя Федя! Мне помощь ваша нужна. Срочно надо ограбить посольство Сулеймана Османского к крымскому хану Менгли Гераю.

– Не пыли, кохана цурка. Не разбойники мы. Так, пошалили трохечко.

– Ёжкин блин! – возмутился я. – Да и не шалили мы, а мешали сговору литовско-ордынскому, против Руси-матушки.

– Так я вам такую же операцию и предлагаю! – обрадовалась Агнешка. – Сулейман решил прислать подарки Гераю, чтобы тот против Ахмата не шёл, царю Ивану не помогал. Мечта у него, чтобы Россия слабой была. А золота там – видимо-невидимо! Всё себе берите. Мне только одна вещица нужна: старая медная лампа.

Ну тогда, это дело – отчизнолюбивое и богоугодное. Проведёшь, Марек, как в прошлый раз, тропами кикиморскими, быстрыми? Учиним врагу разорение!

Агнешка обрадовалась, растворилась в воздухе, да в избе добрыниной появилась. Не ведаю, как чуяла, но появлялась в избе исключительно в родительское отсутствие. Так они,

кикиморы, перемещаются. И меня так Марек водил. Вроде как, закружится голова, помутнеет взгляд в одном месте, а прояснится – за сто вёрст уже.

– Радуйся, Добрыня! – закричала Агнешка. – я тебе доктора нашла!

– Что за доктора такая?

– Ну, лекарь, по-вашему. Лечить тебя будем, чтобы ходить мог!

Всё! Расходись, спать пора. Нет, завтра сказки не будет. В город еду: заказ большой на масляную неделю. Почто говорите, что не зайдёте больше? Не за сказочками же наведываетесь? Какое такое неуважение? Начал и не закончил? Приеду, доскажу. Поздно? Дед Никодим, подмени меня на вечерок, поведай, как там дальше было. Только без припевок. Я Матрёне велю тебя кормить задарма. Кашей. Нет, без мяска, при жарком из шкварок обойдёшься. И чарочку. Ладно, пару чарочек. Хорошо, каждый вечер, но только если сказывать станешь, да гостям понравится. А ты так сказывай, чтобы понравилось.

Глава 2

Ой вы гой еси, люди русские! ... Чего галдите? Сами сказку просили. Да не бросайся яблоком мочёным... а вкусное. В следующий раз лучше в руки дай. Что значит: былину не заказывали, правду режь? Былина, на то и былина, что в ней быль сказывается, значит, та самая правда. И не словоблудие это. Я ни руками, ни словом не блужу. С бабами только. И не стар вовсе. Пусть бабы скажут, стар или на стар. Ладно, ваша взяла, расскажу всё как было. Может, мальчика привру, так, то уже не ложь, а художественный вымысел. Только вот горло промочу... забористая, зараза!

То, что вам Фёдор рассказывал, я первый раз слышу, самому интересно. Расскажу, как и зарекался, что сам знаю. Сам я не из деревенских. Из каких изначально был, точно и не вспомню, может и в деревне родился, но потом жизнь потаскала по разным ипостасям. Перед тем, как стать святым старцем, лихим воякой числился. Начал я эту деятельность далеко не юношей, в самой что ни на есть горячей точке – в остроге нижегородском, на самой границе с Казанским ханством защищал Русь-матушку от набегов татарских. Тогда ещё там крепости каменной не было, только недавно отстроили. Пошёл на службу по доброй воле. А как не пойти, когда перед ноздрями щипцы маячат, а лоб от близкого клейма греется?

В остроге за спины больно не попрячешься: тут тебя либо татарин срубит, либо свои за трусость вздёрнут. Приходилось геройствовать, хотя и до этого, перед братвой в сыкунах не числился. Среди молодёжи ещё и смекалкой выделялся. Заметил меня воевода Евпатий, через пару годков из гридней¹⁹ десятником сделал. К тому времени прошлое весёлое уже позабылось за новыми подвигами. Прозывали мы себя не дружиной даже, а на татарский манер, ватагой, семьёй, то есть. И жили мы по ватажному. Внутри семьи и подтрунить можно над нерадивым, и шутку соорудить, а если кто посторонний посмеет, горой всей ватагой станем.

Прислали к нам одного оболтуса княжеского рода из Суздали. Так случилось: перед тем, как доверить свою дружину, отправляет князь сына славу добыть. Чтобы испытать, да и чтобы дружинники знали, за кем идут. По правде, воеводой оставался дядька Коловрат, но значился высокий гость. Звали княжича Любодар, ростом был он высок, широк в плечах, прямо –былинный богатырь. Вот только взгляд мне его не понравился: с превосходством смотрел, без серьёзности. Такой взгляд у собаки бывает, которую на птицах, да на ягнятах натаскивают, а с дворовыми псами она ещё дела не имела. Когда такой молодец в хату входит, в ту хату, где только лихие парни проживают, с него моментом спесь сбивают. А тут, на воле, такие, да ещё при папкиных деньжатах, порой всю жизнь проживают с полной уверенностью, что особен-

¹⁹ Младший дружинник.

ные, лучше всех во всём.

Однажды проходил Любомир по двору нашего острога, да увидел, как молодые гридни на мечях учатся. В бою мы уже давно лёгкие татарские сабли применяли. Пока один раз мечом размахнёшься, сабелька уже раза три туда-сюда пролетит, головы снимая. Когда враги, что те тараканы на стену лезут, это ой как важно. Но молодёжь учили сначала на мечях, чтобы сила в руках образовалась. Подозвал Любомир к себе одного парня, поздоровее, вынул из ножен, камнями украшенных, свой меч:

– Давай-ка и я разомнусь малёха.

По ударам было видно, что с княжичем настоящие мастера занимались: приёмы все были правильные, но больно медленные. Любой опытный ватажник, не то чтобы сабелькой, кинжальчиком этому недотёпе раза три уже кишки выпустил, но молодому парню выучки не хватило. Под конец боя, махнул Любомир мечом так, что мы все замерли, поняли, что по шее метил. Бог уберёт: выше меч пошёл, по шлему железному. Паренёк упал оглушённый, а этот гад подошёл и пнул упавшего сапожком сафьяновым. Евпатий пробасил:

– Зря ты так, княжич!

– Не перечь мне, знай своё место! А этот злее в бою будет. Татарин так как я не пожалеет, добьёт.

С тех пор сократили мы имя воеводы нового, стали просто Любой звать.

В один памятный день, точнее, в час предрассветный, по-

дошли к нашей крепости татары числом великим. Шли на лодочках юрких, чтобы пушкам не пристреляться. Накрыли нас тучей стрел. Сразу десятков защитников со стен сняли. А некоторые из стрел с паклей, горящей на конце были. Кровля гридницы²⁰ огнём занялась. Ворота затрещали под глухими ударами тарана. Поверх брёвен ограды появились концы лестниц, над стенами взвились верёвки с крюками. Мы немного оправились, стали смолой поливать на стены лезущих, пищалями, да луками огрызаться. Доски ворот затрещали, а вдали из рассветного тумана показалась подмога татарская на двух ладьях. Я свою десятку снял со стен, да к воротам повёл. Когда по двору пробежал, заметил, что собака наша, Марфа, боится, а в будку к себе залезть не может, там всё место занято чем-то в бархатный кафтан завернутым. Разбираться было некогда, как раз ворота поддались и завязалась рубка страшная. Утренние сумерки озарились искрами бьющихся друг о друга сабель, воздух наполнился дикими криками. Много наших полегло, но оттеснили мы врагов и утопили остатки в Волге. Одну ладью пушкарям удалось повредить, другая ушла восвояси.

Возвращаясь, я подошёл к будке:

– Вылазий, ваша светлость, мы победили.

Сначала показалась голова, осмотрелась, чтобы никто больше не видел, потом и всё тело явилось миру. Люба трясущейся рукой стянул драгоценный перстень с перста, да и

²⁰ Казарма.

мне суёт:

– Не сказывай никому, озолочу. А скажешь, повесить ве-
лю за кражу перстня.

Посмотрел на меня княжич глазами коровьими, подошёл
к убитому ватажнику, измазал себе лицо свежей кровью, вы-
нул меч и заорал на всю крепость:

– Эй, дружина! Выходи, кто живой! Мы победили!

Тут я и понял, что оставаться мне теперь в остроге не без-
опасно.

Как-то раз взял меня Евпатий во Владимир, за провизи-
ей, да боеприпасом сходить. В городе жизнь стояла мирная,
не в пример нашей. Только от воздуха спокойного захмелеть
было немудрено. А тут ещё каптёр местный не поскупился
героям бочонок вина выкатить. Товарищи мои спать после
пьянки завалились, а я с дури старое вспомнил. Взял в сенях
кафтан воеводский, потихонечку и сабельку позаимствовал:
руки-то помнят. На их место перстень любкин положил. Вы-
шел из ворот кремля, да и давай с посадских пожертвования
собирать на войну с Ордой.

Очнулся я от того, что трясла меня за плечо какая-то баба.
Оказывается, эта вдова местная решила мне дань натурой
компенсировать, да на ночь и уложила. Брагой, конечно, а
вы что подумали, охальники? Зря я дело с брагой хмельной
перемежал, потерял бдительность, а уже утро, ищут меня.
Уже и мужики пожаловались на поборы военные. Еле ноги
унёс.

Сперва в столицу направился: там люд торговый с мошной тугой ходит. А там и впрямь, трясут купцов на военные нужды, да людей собирают в дружины. Накаркал я, царь Иван отказался хану Ахмату дань платить, а тот обиделся. Видать, денежки русские уже придумал, куда применить. «Ну нет, братва! Только от казанской разборки откинулся, сразу с ордынской бригадой на сходняк идти? Не на того напали!». Подумал я так, да и решил схорониться в каком-нибудь тихом месте. А какое же место, тише монастыря выдумаешь? Вот!

Тут тоже не всё гладко. В монастыре, как на любой зоне: есть мужики, а есть правильные пацаны, не говоря о тех, кто в законе. Пока себя покажешь, да поставишь, и погорбатиться придётся, и юшкой кровавой не раз умыться. Я же решил в хату уже авторитетом войти.

Нашёл я в муромском лесу берлогу медвежью брошенную, пристроил дверь от старого сарая, вполне себе скит отшельничий получился. Дал ребятам из трёх соседних деревень по денежке, чтобы всем рассказывали, что в лесу отшельник поселился. С горы Афон пришёл, из самой Великой Лавры. А чтобы не палиться раньше времени, велел добавлять, что отшельник тот обет молчания принял подобно Саламану Молчальнику и Афанасию Затворнику.

Не прошло и трёх дней, как явились ко мне гости жданные. По топоту конскому я понял, что приехавших до полдюжины. Главный гость вошёл один. Чтобы пройти в дверь сарайную, пришлось ему преизрядно пригнуться, так как ро-

ста он был немало, да и статью Бог своего служителя не обидел. И возрастом монах был далеко не стар ещё. Такому бы не поклоны бить, а дружиной командовать. Одежды на вошедшем были монашеские, но дорогого сукна, ибо явился кА мне не абы кто, а сам настоятель Спасо-Преображенского монастыря преподобный игумен Митрофан со свитой. «Приходи, – говорит, – в мой монастырь жить, чтобы монахам было назидание, да пример положительный». А я так мыслю, что для понту перед другими монастырями, что, мол, заимели своего живого святого. Ну, уважил, согласился милостиво.

Предоставили мне помещение, хуже, чем одиночка в каземате: в ширину локтя четыре, да в длину – косая сажень. Из всего убранства – икона на стене плохонькая, да топчан дощатый, дерюжкой накрытый. Но человек, он к каждой жизни приспособится, а отшельнику, и вообще, мало что требуется. Сиди себе, отправляй молитвы Господу, да кушай репу печёную монастырскую.

Как не загнулся я от жизни отшельничьей? А всё просто. Была у святого человека привычка: прогуляться среди природы между молитвами. В лесу схрон я соорудил, наподобие тех, в которых мы с братвой добычу прятали. Там и платье было мирское, и серебришко кое-какое. На тихие развлечения в городе хватало. Всё равно скучновато, зато воевать никто не заставляет.

Сижу я как-то, размышляю о вечном, тут слышу шаги

торопливые приближаются. Едва успел фляжечку заветную под дерюжку спрятать, как нарисовался в моей келье сам игумен, собственной персоной. Сел рядом со мной так близко, что у меня аж сердце похолодело: как бы фляжку не раздавил, в ней ещё глотков на пять оставалось. Посидели мы, ни слова не говоря, некоторое время. Мне молчать по должности, а начальник монастыря, видать с мыслями собирался, потом заговорил:

– Не ведаю, отче, что вершить мне далее. Первый раз я в таких сомнениях. Уж и молился истово. Знаю, что совет мне дать ты не в силах, так может, посижу рядом со святым человеком, обскажу задачку, а Бог и подскажет, как из неё выпутаться.

Я тронул руку Митрофана ободряюще, а сам губы стиснул сильнее, чтобы перегар не чувствовался. А у монаха уж точно не в сторону моего пьянства повернуты:

– Есть тут у нас село зажиточное. Карачаровым называется. Церковка там крепкая стоит. В неё со всех окрестных деревень люди на службу собираются. Поп в церкви, Филарет, человек на своём месте. Дело знает. Так у этого Филарета происшествие и случилось. Есть у него сын убогий, Добрыня, ногами с детства не ходячий. Так этот сын утверждает, что к нему девчушка соседская в гости заживала, когда родителей, а нынешней ночью Бабой Ягой обернулась, утащила к себе в избу на курьих ногах, съесть хотела. Как дома оказался, не помнит.

Я уже совсем было приготовился услышать что-то интересное, а тут просто кошмар выжившего из ума калеки. Непроизвольно мои пальцы стукнули по макушке.

– Да! – поддержал меня Митрофан. – Я тоже вначале так подумал, только Филарет говорит, что они с женой на утро проснулись с головной болью.

Теперь мой палец стукнул по горлу.

– Не пьющие они. Девчушка и вправду была, о том свидетельства имеются: и лубочек с изображением колясочки для перемещения неходячего больного, и движения рук, чтобы им силу придать, на печи угольком намалёваны. Только я так мыслю, что это и вправду ведьма была. Не может же баба такие премудрости сама выдумать, явно чёрт помогал. Да и попа она сторонилась неспроста. Только зачем она мальчика из избы своей отпустила? Я так думаю, что Добрыня с перепугу молитву святую сказать вспомнил, вот нечисть и перепугалась. А так как перенесён он был из дома колдовством нечистым, вот опять на своей лежанки и очутился. Бог помог!

Вот тут, братки, я и думаю: «Почему бы мне скуку не развеять, да не поучаствовать в приключении с попом сельским, да Бабой Ягой?». В нечисть всякую я тогда не очень верил, по опыту зная, что за большинством загадочных происшествий лиходей человеческий скрывается. А тут зловерной каверзой не пахнет, а смердит во всю. Я на такие вещи, в своё время, мастак был, вот профессиональный интерес и проснулся. Так мне захотелось до правды доковыряться, что

я встал и жестом показал Митрофану:

– Поехали. На месте разберёмся.

Он обрадовался, впереди меня пошёл. А во дворе уже кони осёдланные стоят «Вот шельма, – думаю, – это ты меня развёл, чтобы я сам предложил поехать!».

Приехали в это Карачарово, а возле дома поповского такая толпа, что прейти не растолкав, не получится: не каждый день такие знаменитости, как Баба Яга, заходят. Домик, кстати сказать, не изба уже, но и не хоромы. Сразу видно, что поп – хозяин крепкий, но веру себе в корысть не применяет. Зашёл в избу, да сразу вон вышел и дверь открытой оставил. Митрофан повыносливей оказался, но тоже возмутился:

– Ты чего это, Филарет, годовой запас ладана в один день истратить удумал? Дверь оставь открытой, пускай выветрится.

– Не гневайся, твоё Преподобие, нечисть изгоняли, – появился плюгавенький мужичонка в рясе, видать, хозяин дома.

– Высокопреподобие! – зашипела на мужика дородная невысокая баба.

– Молитвой святой изгоняй, а не кадилом только, – попе-нял игумен.

– Так молитвой христианскую нечисть пугают, а Баба Яга – нечисть природная, её лучше кадилом.

– Ересь несёшь, Филарет.

Пока они так припирались, я пошёл до плетня и осмотрел

дорогу. Все следы были затоптаны любопытными селянами. Пришлось идти до околицы. Там в траве, в сторону леса вела цепочка следов. Вторая вела обратно. Изучил я эти цепочки и призадумался.

Когда вернулся в поповский дом, запах ладана почти развеялся, но появился другой, едва заметный. Я отодвинул занавеску и прошёл в другую половину дома. Здесь запах чувствовался яснее. Не наш запах, восточный, ведомый только злодеям, да ордынским любителям мозги замутить, которые православной водочки не признают. Из красивых цветов маков такое залье делается, а потом – курится. Вернулся я в первую комнату, а все смотрят, понять не могут, зачем старец святой из угла в угол мечется. А мне осталось одну малость вызнать. Посмотрел я на лапоточки добрынины, провёл ногтем по его пятке, да и понял всё. Митрофан же обратился к Добрыне:

– Обскажи вдругорядь человеку святому, что с тобой приключилось. Небось, старец Никодим обратится за тебя к Богу, да отвадит силы тёмные, бесовские.

– Пацан, что на полати лежал, заозирался на родителей, а после батиного кивка начал сбивчиво рассказывать:

– Девчонка эта, что ходила ко мне, Агнешкой которая назвалась, они ещё с отцом своим в село приехали...

– Нету в селе никаких-таких Агнешек, – встрял в разговор Филарет, и отца её никто не видыва. Я весь приход обспросил. Не было таких.

– Не преребивай, потом скажешь, – остановил попа Митрофан, – малец и так сбивается. Продолжай, Добрыня.

– На этот раз Агнешка ночью пришла, когда родители спали...

– Охальница! – не выдержала мать Добрыни.

Митрофан на неё цыкнул, но женщина всё равно встала:

– Шалава и есть!

– Так вот, Агнешка рот-то мне ладошкой закрыла, чтобы я не шумнул, а сама траву какую-то зажгла. От травы дым пошёл такой сладкий, и мне спать очень захотелось. Но я старался не уснуть: больно мне с Агнешкой беседовать нравилось. Вошли два мужика. Страшные! У одного лицо тряпкой замотано было, а второй какой-то хмурый, и зубы у него острые как у щуки. Я глянул на подругу, а у неё тоже зубы острые, оказывается. И как я только этого раньше не замечал? Может, она рот не открывала? Тогда, как говорила?

Я хмыкнул: «С этого дыма людям и не то мерещится». Добрыня же продолжал:

– Дальше я доподлинно не припоминаю. Ясно вижу только, как эти мужики страшные в лесу тащат меня к избушке странной. А странная та избушка потому, что стоит на ноге на птичьей и вокруг себя поворачивается. Как увидел я, что она крутится, снова впал в беспамятство. Потом вижу: Агнешка надо мною наклоняется, потом отходит, снова появляется, но уже в образе бабки старой. Тут я начал молиться

истово, как батенька наказывал. Поволокла меня эта бабка к печи жаркой, да только я в печь-то и не влез целиком. Теперь понимаю я что Агнешка – имя неверное: то была сама Баба Яга. Тогда подняли меня слуги ягиные, мужики страшные, а сама баба подошла, да схватила поперёк тулова. Схватила, да как начала жать, что сломала спину мне, а я жизни лишился. А воскрес только здесь, в доме родительском.

Сделал я тогда вид задумчивый, потом подошёл к Добрыне такой важный, торжественный, да и сказал, вернее, молвил. Чем отличается «сказал» и «молвил»? Молвил, значит сказал со значением. Медленно и голосом страшным. Сейчас попробую повторить:

– Ступай, отрок, принеси мне браги напиться.

Да так страшно сказал, что не только Добрыня дёрнулся, все в избе готовы были принести мне ковш. Чуда не произошло: парень не встал. Тогда я подошёл, приподнял тело подмышки и поставил на пол. А сам ему на ухо и шепчу:

– Стой, собака, а то яйца оторву!

И стоял Добрыня, потом два шажка сам сделал. Правда, рухнул потом. И брагу мне отец его поднёс. Но чудо-то было! Как, спрашиваете, я то чудо сотворил? А так, силой святости своей, Бог помог. Я ведь Святой Старец Никодим. Ну ладно, ладно, расскажу.

Я когда за околицей следы изучал, заметил, что в лес Добрыню на коляске везли, да в канаве перевернули. Когда же обратно возвращались, один коляску нёс, а двое убогого по

брёвнышку перевели под руки. Плохо шёл, но шёл. Не хотела Баба Яга его есть, лечила. На том и сказочке конец. А кто слушал, налей чарку.

А что потом? Да ничего. Долго меня почитали за чудотворца, к митрополиту отвезти обещали, да прокололся я на грешке малом. Рассказывать не буду! Пока судили-рядили наказывать меня или почитать, смотался на всякий случай, мало ли что решат. Да и надоела жизнь монашеская хуже горькой редьки. Что с Добрыней стало? В богатыри подался, подвигов на совершал, женился. Нет, не на Забаве Путятичне. Это я, чтобы как в сказке получилось её назвал. На самом деле девку звали, да и зовут по сей день, Любовой Путиславовой. Про неё рассказать? Это уже в следующий раз. Завтра Фёдор приедет. Как он скажет, так и будет.

Глава 3

Куда прёшь, как сохатый после мухоморов?! Откель вас тут столько набилось?! Чай корчма как рыбий пузырь не растягивается. Сказку дослушать желаете? Чего же этот суемудр наплёл, что летите как мухи на свежую лепёшку кровью? Ладно, не супонься, Святой Старец. Пошутейно это я. Доказывай Никодим что начал. Однако задарма никто веселиться не смей. Нать чтой-то купить. Бражка поспела, пива наварено, винца тож найдём. Кого без кружки угляжу, вмиг на морозе очутится.

Что ты там орёшь? Мне рассказать? Как в город ездил? Нет? Видел ли Бабу Ягу? Знамо видел. Не страшная, на любителя. Тогдашнему шалопуту разноголовому старой виделась. Тепереча, разумею, вполне детородного возраста была баба. Может и по сей день жива. Куда её Маджид закинул не ведаю. Какой Маджид? Ну энто с изначала говорить требуется. Так и быть, расскажу. Токма я сперворяду зачну, не то заплутаю.

Как мы с Марекком не супротивились, Агнешка всёж таки направила нас ограбить посольство Сулеймана Османского к крымскому хану Менгли Гераю. Я разок уже ходил кикиморской тропой рыцарей казимировых грабить, но не уразумел, как такое колдовство вершится. Так и в этот раз. Навроде шли по знакомому лесу ясным днём. Ни тумана особого,

ни другого какого помутнения не случилось, я заметил, что и грязь под ногами какая-то бурая, густо серыми камнями пересыпанная, и сосны сделались низкими и кривыми. Меж деревьями река показалась, вода заплёскала. Шагнул из-за куста, и только Марек за рубаху успел меня схватить за рубаху. Под ногами обрыв разверзся, яма бездонная. А я и не испугался вовсе, застыл как остолебенё и слова вымолвить не в силах. Пред очами столько воды предстало, сколько не видывал никогда. Говорят, даже на Волге берег дальний видать. А тут – нет его.

– Тшарне морже, – пояснил Марек.

– Море? Вот оно какое! А я слышал, что Крымское ханство на Меотийском болоте стоит.

– Не на блоте, на морже. Но тут не Крым, близко. У вас, Тмутаракань мовяч. Час есть, сходим выкупачся.

Солнышко припекало не по-нашенски жарко. Вышел из тени – вообще взопрел. Почему не освежиться? Плюхнулся в море это окаянное, а освежения и нет вовсе. Вода тёплая как лошадиная моча. В глубину ноги с неохотой опускаются, навроде как жидкость басурманская не хочет в себя тело православное впускать. Марек же лёг на мелководье и мурчит как кот после сметаны. Попробовал напиться – плюнул сразу эту заразу. Вода не только теплотой с мочой схожа! Нет, не пробовал я! Все ведают, что моча солона.

Вылез из этой лохани басурманской, ругаюсь по матери, рубаху напяливаю. Марек разлёгся на песочке, как кот на

заваленке, припал щекой к тёплому, даже веки от удовольствия смежил. Разозлился я:

– Хорош кости греть! Пошли басурманов воевать!

– Чише! Приближачся.

Это он так, стало быть, землю слушал. Взял я дубинку поухватистой, да покорявее, из тех, что море на берег вз себя исторгает. Взобрались мы по крутому откосу к дороге. Там откосы как нарочно для лазанья смастерены: камни навроде ступенек слоями из глины торчат. Спрятались за кустом колючим. Я присел, другая колючка мне в аккурат седалище продырвила. Что тут будешь делать? В этой Тмутаракани даже растительность злодейская. Не божие место, тёмное. Хотя солнышко жжёт как в пустынях фараонских.

Спустя время, и я услышал приближающийся топот. Марек положил на повороте поперёк неширокой дороги верёвочку пеньковую. Он мне про ту хитрость наперёд обсказал. Вот ведь догада, хоть и нечисть некрещёная. Потом на кривую сосну полез: Соловья-разбойника изображать. А я давай паклей слух законопачивать: соловьиного свиста человеку не сдюжить. А Марек от души старается. Ежели у кикимора есть эта самая душа.

Посольство было богатое. Сколько их точно было, не ведаю, поскольку местность в Тмутаракани гористая, да лесистая. Сорок сороков, наверное. Видать было только до ближнего поворота, но шум и из-за оврага слышен, кой в гористой местности ущельем прозывается. В голове до полусотни кон-

ных воев с копьями и кривыми смешными мечами, побольше ножа, коим свиней колют. Едут по двое в ряд. Этих Марек наказал пропустить. Далее унылой вереницей плелись люди в лохмотьях с носилками, гружёнными всяческой поклажей. Ликом рабы не походили на бронзовокожих воинов, были горбоносы, а чёрные бороды, казалось срослись с бровями. Думается, набирали таскальщиков по местным деревням, забирая в полон разбойным образом. Рядом с поклажей ехало ещё до десятка конных головорезов.

Отдельно дюжина рабов несла крытые носилки, обшитые золотой материей с кистями. Дальше ехали какие-то смешные телеги на двух колёсах, запряжённые миленькими лошадами с длинными ушами, потешными, хоть на ярмарке показывай. Кто топал дальше, видно не было.

Только поравнялась грузовая часть каравана с нашей засадой, затрепетала хвоя на соснах горных. Даже через паклю мне было тяжко свист кикиморский переносить. Вся головушка, навроде малого колокола при благовесте, звенела. Ультразвук, называется. Что за слово? Яга сказала. Когда самого свиста не слышать, а выть хочется. Кони воинов рванули вперёд, даже не задумавшись. На то и расчёт был.

Носильщики ношу свою побросали и как зайцы бросились в лес. Охране было не до беглецов. Их кони обезумели от свиста жуткого, бросились назад, а места не хватает. Бедные животные, привыкшие к просторам пустынь, пытались карабкаться в гору, сбрасывали и топтали седоков, сами пада-

ли в обрыв к морю.

С литовскими рыцарями я дивился на такую чехарду, теперь же дело стало привычным. Натянул я положенную в пыль верёвочку, завязал её на сосенке и пошёл добычу осматривать. Тут и Марек слез с дерева, что-то говорит, а я не слышу, но по жестам понял, что надо идти к золочённым носилкам. Вынул я паклю из ушей и пожалел тут же: эти длинноухие лошадки, оказалось, голосом владеют демоническим. Они орали так, будто целой деревне пятки огнём жгли.

Взялся я за холстину, вход в ящик носилочный загораживающую, а она лёгенькая такая, мягонькая, из руки как на-масленная выскользывает. Отодвинул её, заглянул. Внутри зарылся в подушки толстый басурманин. На нём кафтан птицами неземными разрисованный. На голове зачем-то полотнища намотаны. Дланями с золотыми перстнями слухи свои загораживает. Увидал нас, давай причитать по-тарабарски:

– Сибни ляусамакт! Анна мишь айз!

А сам ножкой сундучок золочёный нам подвигает. Я крышечку распахиваю, ёжкин блин, обалдел от камнейев множества самоцветных, монет золотых, побрякушек всяческих. Басурманин стягивает перстни, чуть пухлые персты не отрывая, кидает в сундук, мол, забирайте всё. А Марек не уймётся, ещё и одёжку с неруси тащит:

– Дай кафтаник!

Басурманин так за сундучок не бился, как за хламидку

свою, как волчица за детёнышей. Я подумал, что по их верованию, без одежды очень стыдно перед незнакомцами выступать. Но где ему с кикимором тягаться! Дёрнул Марек кафтанчик заморский, а из-под него вещица звякнула. Басурманин забыл по одежку и за утратой своей бросился, но та была уже в крепких кикиморских дланях. Марек улыбнулся:

– Лампа. Яга забрач наказала.

Я глянул – ничего особенного, кувшинчик медненький. Тут послышался топот, потом звуки свалки, крики и ржание конское. Супротивники наши очухались, возвернулись, да о верёвочку спотыкнулись. Сейчас пешими догонять станут. Марек, тем временем в кафтанчик с птицами нарядился и занавесочку с носилок обрывает:

– Цурке на сукинку²¹ заберу.

А я ему:

– Побёгли! Забьют сейчас!

Схватили мы сундук за ручки по бокам приделанные, и давай карабкаться в гору. А золотишко – ноша не из лёгких. У меня ноги оскальзывают, руки не сгибаются. Посередь подъема Марек уже меня совместно с сундуком наверх тянул. А басурмане спешили и ползут за нами сил не жалеючи. Снизу толстяк, наготу подушкой прикрыв, криками их понукает. Из хвоста обоза подмога поступать стала. Я уже и молитву за упокой своей души творить начал. Ближний басурманин за сапог меня схватил. Нет, не за лапоть. Мы с

²¹ Дочке на платье, польск.

Марекаом после первого налёта одеваться прилично начали. Так вот. Сапог с ноги соскользнул, но супостат не уймётся, ножичком своим кривым замахивается.

И тут ему камень прилетел по маковке. Хороший такой каменюка. И прилетел ладно, так, что злодей падая ещё парочку своих прихватил. Далее камни сверзлись потоком бурным. Я подумал, что Бог нас защищает. Ну меня, понятно, но за что кикимора?

Вылезли мы на крутую горочку и увидели, что не Бог то был. Хотя, может статься и Бог, но волосатыми руками тех рабов, что поклажу несли. Они, оказывается, не утёкли, а собрали камней тяжёлых, и давай мечь вершить страшную. Хотел я тоже в забаве поучаствовать, но Марек настоятельно тянул меня на свою тропу заветную.

Долго ли, коротко ли, а добрались мы до избышки роденькой. Забрались по лесенке, я сразу рухнул. Прямо на пол. А что? Пол не земляной, тёсовый, как в домах купеческих да палатах боярских. Половичок ещё тканый Агнешка постелила, лепота. Она любит вообще ткать да вышивать, Агнешенька наша. Добрыня, дубина стоеросовая, такое счастье проглядел. Чтой-то меня не в ту степь несёт. Так вот, полежал я малёха, смотрю, а Марек как стоял, так и застыл столбом. Спину что ль от тяжести заклинило? Я ему:

– Марек, что с тобой?

А это изваяние чучельное только в угол пялится. Посмотрел и я в угол тот. Там не диво дивное увидел, просто ба-

ба сидела обычная, староватая, годков десятка под четыре с хвостиком. Как моей матушке родненькой было бы, коли живой осталась. Баба была кареглазая, лицом круглая, да румяная, светлые волосы в косу собраны.

– Ты кто? – спрашиваю.

– Баба я.

– Вижу, что не мужик.

– Профессия такая – баба, а зовут меня Яга.

Тута я и опешил, а дружок мой, наоборот, оттаял:

– Добже дзень, уроджевый паненка!

– Хороши дела! – возмутилась гостья. – сами помочь просят, а потом уродиной обзывают!

– Не обижайтесь, Яга, – появилась из-под пола голова Агнешки, – это он Вас по-польски красавицей назвал. Отец это мой, Марекон зовут.

– А, ну да. Был такой польский журнал «Урода».

– Прости, красавица, – совсем по-русски заговорил кавалер польский, а сам тряпочку золотую басурманскую ей тянет.

Я ткань из ручек его аккуратненько вынул и Агнешке подаю:

– Вот, отец тебе на платье принёс.

Девушка уже вся вылезла, себя суконкой обмотала, в зеркальце не налюбуется. И давай папеньку обнимать-целовать. А тот так растеряно смотрит, не ясно рад или нет. Потом очи его прояснились, снял он кафтанчик с птицами и Яге протя-

гивает:

– Презент.

Та взяла, пощупала, примерила, похвалила:

– Клёво! Халатик самое то после душа носить. Натуральный шёлк. И расцветочка весёленькая. Спасибо, дедуля!

Марек расцвёл, когда баба обрадовалась, а когда дедулей назвала, совсем поник. Чему радовалась Яга я не понял. Наверное, из вежливости к подарку. Кафтанчик на ней сидел нелепо. По размеру сгодился бы, басурманин был толстый. Роста же Яга была богатырского. По длине кафтан стался не больше кацавейки. Ежели без сарафана, только-только прелести закрыть. И кого она в этом халатике душить собралась?

Отворили сундук. Там спервоярд птица золотая лежала. Ну, не птица, изваяние. Будто орёл змею клюёт. Агнешка взяла, стала читать подпись, под птицей накарябанную:

– Басурмане писали: в конце знак, твёрдость означающий забыли. Ки-сло-водск, – прочитала она.

– Халат халатом, – перебила Яга, – а то, что я просила принесли?

Марек подал медную лампу. Яга жадно её схватила и давай тереть. Лампа завывала по-звериному, из неё дым повалил. Осенил я себя знамением крестным, на случай на всякий. Когда дым рассеялся, среди нас появился басурманин в штанах просторных и башмаках с длинным загнутым носом. На лице тоже был мощный загнутый нос, только не вверх, а

вниз. По пояс был мужик басурманский голым, и стати не богатырской вовсе. Гость зыркнул по сторонам очами чёрными, остановился на Яге:

– Здравствуй, красавица! Что хочешь, чтобы Маджид для тебя сделал?

– Пжестань мовичь комплименты чужим пани! – взвился кикимор.

– Прекрати, Марек! – остановила его баба, повернулась к басурманину. – Спасибо, Маджид! Пока ничего не нужно. Проверила просто. Отдыхай пока.

– Не за что, богиня! Раз у вас тут полный шуры-муры, я лишний. Первый заданий выполнен.

– Блин! – Баба Яга схватилась за голову, – готовилась не попадаться на джинские уловки, а попалась как последняя дегенератка! Теперь только два желания остаётся. Что там по пациенту? – она повернулась к Агнешке.

– Траву я подожгла все засыпают.

– Отлично! Тащите его сюда. Я пока камуфляж наведу, да печку натоплю.

– Летом? – удивился я.

– Так надо!

Агнешка скоренько объяснила нам, что Яга будет Добрыню лечить. Она дымом специальной травы усыпила всех в поповском доме. Нужно парня в нашу избушку приволочь. Приволокли. Где на колясочке, где на горбу, а допёрли с божьей помощью. Бабу я сразу не признал: дерюгу на себя

напялила грязную, лицо сажей вымазала. Прямо настоящая сказочная Яга.

– Не хочу, чтобы меня потом признали и в речке за ведьмовство утопили или на костре изжарили.

Положила Яга мальчика на полати лицом вниз, руками щупать стала. Да не ноги хворые, спину щупает:

– ДЦП нет, уже хорошо. Сколиоз, остеохондроз от лежания. В вашей сказке всё поправимо. Тащите к печке, мышцы разогреем, чтобы эластичными стали.

Потащили мы Добрыню к устью печному, а он возьми и проснись. Кричать начал, сопротивляться. Яга подошла, положила руки ему на спину и резко надавила. Добрыня взвыл волком раненым и затих, касатик, как померший. Целительница говорит:

– Тащите его домой, пока родители не проснулись. На ноги можете кратковременно ставить, но держите, чтобы не упал.

Вот так исцеление и произошло. Ещё про Ягу рассказать? Делать мне больше нечего. Выдастся час, расскажу. Покуда на сегодня хватит, а завтра вам Никодим по Любаву наврёт.

Глава 4

Роду Любава была не то чтобы княжеского, но боярского, это точно. Отец её, Путислав Святославович, был головой города Тарусы. Наследника боярину Бог не дал: жена скончалась при родах дочери, а новой супругой Путислав так и не обзавёлся. Видать, однолюб был. Всю свою любовь недопотраченную на дочку перевёл. Ни в чём Любава отказа не знала. Для нарядов у неё целая горница была выделена. Если на праздник появлялась в нарядном сарафане, то на другой повод его нипочём не наденет, подружкам, что победнее, подарит. А за сундучок с украшениями золотыми да самоцветными можно было весь двор целый год содержать. И ведь не грамма серебра, не любила его Любава. «Серебришко пушай купчихи безродные носят, – заявляла гордая боярышня, – мне – не пристало!».

Баловал, баловал городской голова свою дочурку и добавовал. Приелись Любаве развлечения привычные, потянуло со сладенького на остренькое. Застал её боярский околичий²² Богдан с конюхом пьяной на сеновале. Парня, понятное дело, до смерти кнутами заporоли, девку, с которой Любава бражку пила, наголо обрили, она потом сама на ко-

²² Ближайший помощник.

нюшне повесилась, а ключника²³, за то, что не доглядел – в батоги²⁴ и взашей. Взяли новую ключницу, Апраксию Доброговновну, женщину серьёзную и властную. Да что я вру? Не женщину, девицу перезрелую: у неё же мужа отродясь не было. До этого назначения Апраксия на кузне помогала, да прославилась не только твёрдостью характера, но и тяжестью руки. Хмельное для челяди запретили под страхом смерти.

Откуда я всё это знаю? Так я после Мурома в Тарусу рванул. Искал куда приткнуться, прознал про ключницу боярскую. Мне братва не советовала: среди мужеского племени было не много живых примеров применения кулака, больше полуживых и совсем неживых. А по мне, чем крепость круче, тем интересней. Нанялся я конюхом, взамен запоротого. При каждом удобном случае старался помогать в хозяйстве. Покрикивал на других слуг, коли ленились или делали что-нибудь недостаточно прилежно. Слушались меня, чувствовали, что во двор не пёс пришёл, волчара дикий. На этом мы с Апраксушкой и сошлись. «Люблю, – говорит, – чтобы мужик верх держал за слова отвечал». Ну так этому острог быстро учит. Поставила она меня своим помошником, дворским. Нашли мы с ключницей то, чего каждый искал. Она – плечо мужское со всеми прилагающимися членами. Я – уют тёплый и сытый.

Однако вернёмся к Любаве. Заскучала она в жёстких куз-

²³ Заведующий дворовым хозяйством.

²⁴ Побили палками.

нечных рукавицах ключницы. Белугой выла. Отец жалел, на ярмарки пускал, скоморохов приглашал, да гусельников, да всё не то. Присытилась боярышня всем этим, хотелось чего-либо новенького. Тут в аккурат дружина князя Андрея Меньшого в город вошла. Слухи по Тарусе давно ходили, что войско хана Ахмата к границам русским движется, но верили середина на половину, а тут – такое реальное подтверждение.

Путислав Святославович в политические дела вникал не сильно, больше занимался размещением войск, да сбором пропитания для воинов. Попутно присматривал, не найдётся ли в ближайшем окружении младшего брата царя, боярина неженатого, чтобы Любаву к нему присватать.

Военное положение затронуло и наш двор. Боярин Путислав был назначен собирать городское войское ополчение. Ко двору приставили охранную ватагу из двух десятков гридней в доспехах, с копьями топорами, сулицами и палицами, десятка мечников, да ещё десятка лучников.

Тут пошла у нас с Апраксией потеха. Кормить-то дружину казна была выделена. А где поместить такую ораву? Как раз питание дружины и решило её расселение. Благо, лето только началось, прошлогодние запасы подъедены, да в лагерь войску княжескому отправлены, до нового урожая ещё далеко. Разместили воев в амбарах освободившихся.

Тут другая напасть: стали девки дворовые в амбар заглядывать. Ключница сперва пыталась пресекать, а потом мах-

нула рукой:

– Принесут кого в подоле, выгоню на все четыре стороны. Пусть сами нянчатся. Лишь бы Любавка за ними не увязывалась, хозяин с меня голову снимет.

– А что боярышне за дело до простых вояк?

– Так места женские чешутся. Тут ведь, если попробовала, потом и батогом не отгонишь.

– А у тебя нигде не чешется? – притянул я к себе дородное тело ключницы. – а то я почешу.

– Отлезь, охальник, не ночь ещё, – вывернулась из объятий Апраксия и села за стол, – дело тут сурьёзное. Скука не одну девку сгубила! А тут появился один с историей, прямо как в сказке, с Бабой Ягой, Старцем Святым, да чудесным исцелением.

Я напрягся:

– Ну-ка поподробнее обскажи.

– А я и рассказываю. Глафира, девка, что Любаву наряжает, да не прогулках сопровождает, подружилась с мечником, Ильёй зовут. Так вот, тот Илья сказывал, что дружок у него есть, который от рождения ходить не мог, потом его Баба Яга съест хотела, а Святой человек на ноги поднял. Это же тайна и приключения. Бабы, они же тоже люди... а ну сотри ухмылку с рожы, не то я её вместо со скулой на сторону поворочу! Баба, говорю, она хочет, чтобы её не только как способ удовлетворения мужика, да приспособу к короле, чтобы молоко добывать, видели. Не только желает на сте-

не крепостной мужа из похода слезами дожидаться, а и самой что-либо нужное сделать. Или, хотя бы, поучаствовать. Девке хочется быть особенной, отличаться от других. Если у всех уже и брови подкрашены, и щёки подрумянены, можно загадочность создать. А чо может быть загадочнее, чем к сказке пристроиться?

Для девок, может и так, а я не очень радовался, что меня сказка никак отпустить не желает. Подруга моя меж тем продолжала:

– Познакомилась девка с парнем, полюбезничала. Нет, не переходя границ. На то я стольничего нашего, Мишку, с вилами приглядывать отправляла. Добрыня Любаве как парень не очень приглянулся: хоть и статный, но и полощёнее видала. Да и то правда, засмеют: боярышня сама к поповскому сыну клеится. Одно дело – в сене повалаться, совсем другое – разговоры вести. Однако материал хороший, есть с чем работать. Решила Любава из Добрыни героя сделать. Сказала, что ежели в бою себя проявит, то и она ему тоже кое-чего покажет. А тут как раз князь отправляет хозяина нашего с посольством к Менгли Герею, хану крымскому. Ватага, как водится, сопровождать будет.

– Путислав едет с посольством в Крым? Почему не говорила?

– Тайна это страшная!

– А почему сейчас сказала?

– К слову пришлось. Не перебивай. Посольство – не вой-

на, конечно, но всякое бывает. Только, думается мне, что узнай наш хозяин про дочкины шуры-муры, без всякой войны Добрыню этого зашибёт. Ну да ладно, уезжает, и скатертью дорога. Забот меньше. Любава теперь в Ярославну играть начнёт, князя своего из похода дальнего дожидаясь.

Апраксия встала с лавки:

– Пойду за хозяйским ужином присмотрю. Тебе, Никодим, тоже хватит бездельничать. Проверь коней, чтобы без воды и овса их на ночь не оставили. Да что я тебя учу, сам знаешь. За то и люблю. Потом на кухню приходи, повечеряем.

Ключница чмокнула меня в заросшую бородой щёку и вышла. А я задумался. Вот ведь где сказка догнала. То, что я Добрыню не признал, хотя и появляюсь в казарме частенько, не загадка. Не особо я всматривался в постриженные под один горшок лица. Почему парень не узнал исцелившего его кудесника? Хотя, кто будет высматривать в холопе Святого Старца? Да и бороду я теперь аккуратно подстригаю и по татарской моде хной крашу. Так Апрексии нравится. Значит, сказочка-то не закончилась. Поглядим.

Собиралось посольство по-тихому, выехали ночью, чтобы дозорам ахматовским глаза не мозолить. Я? Нет, не поехал. Отвоевался, да и не звали. Пошла ватага на Калугу, вдоль самой литовской границы. Там тоже недруги, но пока спокойно.

А Любавка и впрямь затосковала. Да так, чтобы весь двор видел. Нарвёт цветов, сядет на крылечке, да плетёт веноч. Кто спросит, почему грусная, отвечает:

– За тятеньку беспокоюсь, – и вздыхает горестно.

А по вечерам с подружками с подружками песни заводила. Да не про дочернюю любовь, а про соколов всяких ясных, да про сердечко девичье верное. Прямо представление скomorошье.

Долго ли, коротко ли, а к Ильину дню вернулись посланники. Без потерь вернулись, даже с прибытком. Приехал с ватагой татарин важный на кобылке невысокой. Не пленный. Это было понятно по тому, что ехал подле боярина и не связанный. Как только не побоялся в одиночку с русскими воинами путешествовать. Крымский хан нам теперь союзник, но всякое бывает. Сегодня так, а завтра эдак. Вспомнил, не совсем он в одиночку ехал, на плече птица сидела. Интересно было, что за птица, но с расспросами я не лез. Нет, ворона я сразу признал, что за птица этот татарин мне интересно было. Ватага притомилась с дороги, да и не солидно как-то любопытничать. Вечером и так всё узнаю. Апраксия хоть баба суровая и неразговорчивая, но это – с другими. В жарких объятиях любой лёд тает. Даже расспрашивать не пришлось. Только устроились на полати, сама разговор завела:

– Татарина зовут Сихыр Хадиуль. Он у басурман то ли за священника, то ли за колдуна, то ли за советника, а скорее всего, всё вместе. Говорит, прибыл с Соловьём Разбой-

ником сразиться. Тот, дескать, вещицу ценную стырил, которую хану тамошнему везли. А я думала, что про Соловья сказки бабкины. Или разбойники сочиняют, чтобы вину с себя снять.

– Многое из того, что сказкой кажется, был самая настоящая, – мудро промолвил я, не зря же Старцем одно время работал, – в жизни много необычного случается, что люди спервогляду объяснить не могу. Про Соловья я слышал, что правда. Только я одну историю знаю, как он литовских рыцарей побил. Про южные дела его не знал. Вот ведь чертяка! Везде поспекает.

– Ты прямо восхищаешься злодействами беззаконными, – приподнялась не локте моя подруга.

– А что? Всегда приятно на хорошую работу взглянуть. Даже на злодейскую. Ведь профессия такая у Соловья – разбойник. Приходится соответствовать. Да и не слышал я, чтобы он православных обижал. Сперва, немцев литовских, теперь, получается, басурманов безбожных. Непонятно только, где этот Сихыр Разбойника искать собирается.

На следующее утро удалось гостя рассмотреть повнимательнее. Летний сонцеворот был недавно, отчего по утрам было довольно светло. Проходя по двору в сторону кузни, различил краем глаза на гульбище²⁵ какой-то тёмный предмет. Я так и подумал, что это предмет, так как он не двигался. Подошёл ближе, а это басурман на полу сидит. Не наго-

²⁵ Галерея, примыкающая к крыльцу.

лом полу, коврик расписной под сидалище пристроил. Кафтани на нём без застёжек в полоску и стёганный как одеяло. Я такие на казанских татарах видел, халат называется. Сам маленький такой, сухонький, сдалека за мальчонку принять немудрено. Лицо жёлтое, усы обвислые, сплетаются с куцей бородёнкой. Ноги калачиком сплёл, из больших и указательных перстов круги смастерил, глаза закрыл и мычит по-телячьи тихохонько так:

– М-м-м-м...

Видать, плохо человеку. Перебрал вчера за трапезой. Бывает. Стал я присматривать за странным человеком: доверяй, но проверяй. Сперва Сихыр к князю съездил на встречу, потом с головой уединился. Когда они с Путиславом в горнице закрылись, я проверил, поставлена ли в специальной комнате охрана. Она всегда там была при встрече Путислава с глазу на глаз с посторонними людьми. На всякий случай. Охраны не было странно. Я остался. Боярин, знамо дело, и сам с татарашкой справится, но осторожность никогда не вредит. Чтобы время занять стал слушать. Путислав басил:

– Почём я ведаю, что ежели ты сгинешь в рати с Соловьём, твой хан не вступится за Русь?

– Я Козгына отпускать.

– Кого?

– Кош. Птица. Хат, письмо относить. Мой говорить, что не возвращаться, хан халак делать Казимиру-батыю.

– Добро. А по какой надобности тебе малец Добрыня?

– Бабай-ага видел. Бабай-ага с Соловей-юлбасар дружить должен.

– Не ведаю. Нечисти тут хватает, а дружит ли она?

– Я знать. Дружит.

– Пусть так. Иди. С рассветом двинетесь.

Басурман вышел, а голова тихо позвал:

– Выходи, бабка, иди за Добрыней.

Из-за занавески появилась Апраксия. Вот те на! Боярин-то не без охраны был. И баба не проста: далеко не всё мне сказывает. По мерным ударам кованых каблуков было понятно, что хозяин нервничает. Через некоторое время зашёл парень в кольчуге с пластинами:

– Мечник Добрыня по Вашему приказанию прибыл! – отрапортовал он.

– Садись.

– Не привышие мы перед начальством сидеть.

– Сядь!

По скрипу лавки было понятно, что парень на неё не сел, а упал. Голова же продолжал своё движение по горнице:

– Слышал, ты газ на мою дочку положил.

– Я ни в жизнь!

– Молчать! Не ведаю, чего басурманский гость в тебе усмотрел. Говорит, ты со всякой чертовщиной на короткой ноге, да то не моё дело. Поедешь с ним Соловья боронить. Токма не возвертайся боле. Не рады тута тебе. Отпишу я тебе грамотку в дружину Ивана Молодого. Распишу подви-

ги, что ты не совершал. Будешь в почёте там. А здесь погибнешь. Выбери верного друга, кто весть эту доставит, да молчать до срока будет. Илья? Как в сказке, Добрыня и Илья. Поповича недостача.

– У меня отец – поп.

– Ты попович? Тогда ладно! Всё путём.

На неделе поехали Соловья воевать. Вернулся один Илья. Сказывал, что все погибли, нам подробностей не говорил. И я подробностей не знаю. Кто знает? Ты, что ли, боярин? Ну, расскажи. Служил с Добрыней? Так ты ещё и служивый? Постой, постой! А не Ильёй ли тебя кличут? Правда, что ли? Рассказывай, не томи, как там дело было. Завтра, так завтра. И то правда, спать пора.

Глава 5

Эй, мать, принеси чё похлебать. Складно как вышло: мать, похлебать! Ха! Кто боярин? Я? Шуба, да, крутая. Мне сам Фёдор Васильевич Телепень-Оболенский в качестве боевой награды за доблесть перед строем вручил. За Хитрую войну²⁶. С мценского боярина снял. Что я тебе обещал? Какую историю? А, про Добрыню... На голодное брюхо рассказывать отказываюсь. Наемся, напьюсь, расскажу.

Всё! Закончить приём пищи, выходи строиться! Да не вам я это, людишки гражданские. Просто, без команды у меня даже пищеварение не начинается. Про Добрыню, значит? Рассказывал он мне про свою молодость, но за эту пару вечеров много нового узнал. Доложу, что сам знаю.

Вступил сей отрок в ряды нашей доблестной дружины князя вологодского, Андрея Меньшого, брата царя нашего Ивана, в аккурат в год нашей победоносной компании на реке Угре. Стоянием, говоришь? Может, сейчас и так называют, однако битв кровопролитных тогда хватило. Много добрых воинов полегло. Вечная память! Зато, теперь перед Ордой не кланяемся.

Тогда хан Ахмат стал стягивать к Руси своё войско, чтобы заставить царя русского Орде дань заплатить. По выше-

²⁶ Русско-литовская война 1487-1494 годов.

му велению, переехал Андрей Меньшой в Тарусу, поближе к границе. Перебросили и нашу дружину. Пришёл Добрыня простым гриднем, салагой, с которым ещё работать и работать. А на это я и был воеводой назначен, чтобы проводить среди новобранцев курс молодого дружинника. Конечно, не князь лично назначил, и не меня одного, но подразделение обучающего типа при дружине было создано, чтобы опытные дружинники молодёжи секреты мастерства передавали. Я как раз за полгода до того такой курс прошёл, ещё не забыл, как меня гоняли, а значит, был опытным.

Самое опасное для молодого дружинника что? не знаете. А самое опасное – это скука и безделье. Тогда салага начинает дом родной вспоминать, мамку с папкой, и хана всей боевой готовности. Из этих самых соображений, день у новобранцев занят от вторых петухов и до вечерней зорьки. До рассвета нужно воды на кухню натаскать, потом – конюшни почистить, завтрак, занятия с оружием и без оногo, починка обмундирования, парадное хождение строем, на случай приезда князя или митрополита, боевое хождение строем, на случай пешего боя, верховая езда. Короче, молодой гридень к вечеру так упыхивался, что ему даже во сне снилось, что он спать хочет. Тут не до дурных мыслей. Сперва я Добрыню никак не выделял. Особых достижений за ним не числилось, но и отстающих не числился.

Однажды вечером, проходя за угол казармы до ветру, заметил движение между конюшней и дровяным навесом. Бы-

ло редкое время отдыха, которое новобранцы посвящали именно отдыху от телодвижений. Подошёл ближе. По пояс голый человек размахивал руками. Вечер был не по-летнему прохладным, от разгорячённого тела валил пар. В одной руке у человека была дубина. Немного понаблюдав, я понял, что это замена меча. Парень учился мечевому бою, только движения были непривычные: не колющие и рубящие, а какие-то округлые. Казалось, дубина рисует в воздухе замысловатые узоры. Молодежь я успел запомнить, поэтому признал воина:

– Добрыня, а ты что не отдыхаешь?

Парень вздрогнул, посмотрел в мою сторону, признал:

– Я господин десятник, почитай полтора десятка лет отдыхал. Теперь движению каждому радуюсь.

– И кто же тебя таким кренделям выучил?

– Кикимора, господин десятник.

– Ладно, не хочешь говорить, не говори. Не ори только. В свободное время можешь меня просто Ильёй звать, – я взял подходящую палку, – а давай-ка против противника примени свои приёмчики.

С тех пор стали мы вместе тренироваться, а потом и сдружились крепко. Вечерние занятия даром не прошли: уже через две седмицы на смотре воинского мастерства нас приметил воевода, Клим Истома. Тогда мы с Добрыней против четверых дружинников с мечами. Назначили нас отроками в охранную полусотню к голове Тарусы Путеславу Святосла-

вовичу. Переехали мы жить во двор к своему начальнику.

Тут будет к слову сказать про Любаву Путеславовну. Была она дочкой головы города, в охране которого мы и числились. Я и сейчас мужик хоть куда, а тогда ещё и молодой был. Подруги так и падали гурьбой от красоты молодеческой, ещё и выбирать приходилось. Завёл шуры-муры с девкой дворовой, которая погрудастее, да посмешливее. Глашкой её звали. А Добрыня всё предательства пережить не смог, которое совершила его знакомая, сначала приучив к себе, а потом нечистью явившись. Решил я его через Глафиру с девкой ладной познакомить для лечения сердечных ран. Рассказал историю добрынину. Она слова произнести не могла, пока слушала, только вздыхала, а под конец зачем-то разрыдалась:

– Страсти-то какие! Бедный Добрынюшка! Да мы всем двором его лечить будем!

– Всем не надо! Мне что-нибудь оставьте!

– Не убудет, останется.

Проходит время, заявляется Глашка, вся такая загадочная, за овин меня тащит. Я привычным образом давай руками ревизию тела девичьего проводить, а она руки мои сбрасывает, как неродная прям. Сама по сторонам зыркает, будто опасается кого:

– погоди! После намилуемся. Дело сурьёзное есть.

– Нет серьёзнее дела, чем девичье тело, – свёл я в шутку постыдный отпор.

– Молчи и слушай! – вконец обнаглела деваха. – нашла я

подругу для твоего Добрыни.

– Что за краля?

– Не краля, а девушка. Приведёшь его, как стемнеет, на сеновал, а сам смотри, чтоб не зашёл кто. Я тож понаблюдаю.

– Вот ведь царевич выискался, охранять его пока не набабуется! Перетопчется и без конвоя.

– А если я хорошо попрошу? – лукаво подмигнула девка.

Тут уж я решил тащить барсука из норы:

– Так попросишь, как я давеча предлагал?

– Это когда?

– Когда ты мне ещё по морде с размаху съездила.

– Ах ты, охальник! И повернулся же язык поганый!

– Ну, не хочешь – как хочешь, – повернулся я уходить.

– Стой! Согласная я. Только один раз.

– А ежели самой понравится?

– Хватит! Я пошла. Не приведёшь Добрыню, можешь ко мне на версту не подходить.

По причине воскресного времени, свободным от несения караула дружинникам после молитвы было предоставлено свободное время для личной гигиены, починки обмундирования и чистки вооружения. Проще говоря, бездельному отдыху. Добрыня уронил своё могучее тело на копну и с мудрым видом грыз соломину, взирая на тёс потолка. Я пристроился рядом:

– Для тебя есть радость радостная.

Соломина в добрынином рту даже на миг не остановила

своего покачивания. Я зашёл с другого боку:

– У тебя, небось, девки давно не было. От того такая задумчивость внутрих и произрастает. Для гридня задумчивость – последнее дело. А ну как в бой идти? Задумаешься, а твоя думалка уже в траве отрубленная валяется.

– Не каркай, ворона.

– Я не каркаю, я девку тебе нашёл.

– А чего их искать? Полон двор, – лениво отозвался Добрыня, но сам на живот переверотился: естество-то младое, интересуется, – что за девка?

– Красавишна! – нафантазировал я. – До беспамятства в тебя влюблена.

Сеновал, он и есть сеновал. Чердак над конскими стойлами. Место тёплое, да укромное, а потому весьма молодёжьёю употребимое. Будь моя воля, очередь бы составил для пользования, да денежку брал. Зимой, бывало, каждый угол телами человечьими копошился, и все друга дружку не замечать старались. Теперь же лето стояло. Сено ещё на лугах росло, в стогах стояло, да под навесом ворошилось. Сеновал же пустовал да проветривался. Добрыню я наверх отправил, сам снаружи Глафиру дожидаться стал. «Надо было парню присоветовать одеяло взять, – пришла поздняя мысль, – сена нет, жёстко будет. Девка все рёбра сотрёт». Да уж поздно было метаться. Пришла моя подруга. С одеялом. Меня отправила за угол сторожить. Я конечно подглядывал, но так и не высмотрел, что за скромницу к Добрыне привели. Так и про-

торчал до полуночи, забавы друга охраняючи. А он, неблагодарный, даже не обсказал, что да как там на сеновале было. Только хмурь-тоска от него отлезла. Ну да это понятно.

Потом, через время, Добрыня сам разговор начал. Мы в Чернигов вошли на ночёвку. До этого в лугах ночевали из боязни наушников ахматовских. А тут надо было перед посольством в порядок себя привести, помыться, вооружение почистить. Сидим мы в предбанничке распаренные, как девицы красные, не конём и потом пахнем, а дымком берёзовым. Благодать! Слава Богу, что он баню придумал. Это намеренно, чтобы человек православный почувствовал, что его в раю ждёт, и грешить не спешил. Вот почему, к примеру, басурмане в Бога не веруют? Да потому, что баню русскую не уважают, рая не познали. А впереди ещё ужин сытный, да сон не вполглаза на земле, а на тюфяке, свежей соломой набитом.

Тут мою мечтательность прервал голос Добрыни:

– Вот говорят: «Муж – голова, а жена – шея». А разве не голова думает, куда повернуться, глупо за шейю должна вращаться?

– Ты о чём? – я нехотя вернул своё сознание из рая.

– Ну, она мне говорит: «Я из тебя человека сделаю. Героем станешь, князь тебе двор пожалует».

– Кто, она?

– Любава.

– Какая Любава?

– Любава Путиславовна. Не строй из себя блаженного,

знаешь же, что я с ней встречаюсь.

– Вот оно что! Вот почему меня Глафира не караул поставила! И что, у вас ещё было?

– Что было? А-а-а. да нет. За ней потом стольничий Мишка стал ходить с вилами. Хорониться пытался, да его живот не за каждой избой спрячешь.

– И что Любава, как она?

– В каком смысле?

– Ну, ты понимаешь!

Добрыня зарделся:

– Так как-то... хорошо... неловко мне. Ты же про свою Глафиру тоже не рассказываешь.

– Хочешь, расскажу?

– Не нужно. Короче, там всё хорошо. Любава – огонь. Я о другом. Она уже всё на жизнь задумала. Всё по полочкам разложила. Я совершаю ратный подвиг, князь жалует мне землю, село какое-нибудь, мы женимся. Я – горой, Любава – боярыня. Потом я становлюсь князем.

– А князем-то как?

– Не знаю. Любава говорит, что всё продумала.

– И что не нравится?

– Шея очень сильная, для меня. Крутит так, что голова кружится.

– Какая шея?

– Я говорил, – недовольно напомнил Добрыня, – муж – голова, жена – шея. Да и настоящую шею мне Путислав Свя-

тославович насторону своротит, коли прознает. Даже князем стать не успею.

– А-а-а. Поставь себя как мужик. Топни ногой по столу.

– У нас и стола-то нет пока. А потом, боюсь, поздно топтать будет.

Поутру поехали в Рыльск, где и была назначена встреча с посольством крымским. Нас, знамо дело, у палат поставили, где переговоры шли, для охраны. Стоим. Охраняем. Отчего только, неведомо. Народ вокруг шастает работающий, никакого врага не предвидится. Стоим. Вернее, гридни стоят. Я, как десятник, прохаживаюсь с важным видом. В прохожих девок поладнее высматриваю, раз врагов не видать. Вдруг, дверь в палаты распахивается, оттуда морда раскормленная кричит:

– Десятник! Живо сыщи дружинника Добрыню. К Главе кличут.

А что его искать? Вот он, возле двери с саблей стоит. Нас для сподручности в конном бою вместо мечей саблями вооружили. Я киваю, мол, иди, раз зовут. Долго его не было. Я уже волноваться стал. Выходит. Смурной какой-то. Я с распросом:

– Что там? Чего звали?

– Надоело! Когда уже меня человеком принимать станут, а не «Богом спасённым от нечистии»? прямо, чудо ярмарочное. Говорят, сведи ханского шамана, Сихыра Хадиуля, к Бабе Яге, она на Соловья-разбойника укажет. Его победить на-

до. От этого положительное решение о союзничестве зависит.

– Ну вот и подвиг для Любавы совершишь, Русь спасёшь.

– Да пошёл ты!

Как возвращались описывать не буду, ничего интересного. По приезде, только отдохнуть малёха учпели да оправиться, зазвал Путислав Святославович к себе Добрыню. Я уже не удивлялся: стал мой друг знаменитостью местной. Вышел после разговора парень мрачнее тучи:

– Поедешь со мной к Бабе Яге, Путислав велел. Только ты, я и басурман. Ночью выдвигаемся.

Выехали затемно и уже к вечеру были у дома попа карачевского. Привязали лошадей к плетню. Из сада шла женщина с ведром, полным ранних яблок.

– Хорош урожай, хозяйюшка, – крикнул Добрыня.

– И тебе всего хорошего, служивый.

Женщина прошла мимо, через несколько шагов замерла, ведро выпало из ослабших рук. Она повернулась и бросилась к калитке:

– Добрынюшка!

Крепкие руки воина подняли нетяжёлое тело в воздух и прижали к груди.

– Ана, – догадался Хадиуль.

– Ага, она, мама, – согласился я.

Ужинали мы петушиной лапшой и кашей со шкварками. Басурманин ел как не в себя. Столько и нормальному бога-

тырю не осилить. Утром же к ржаным блинам даже не при-
тронулся. Не то чтобы кваса хмельного, воды не пил. Сидел
с самой ночи на крыльце, заплетя ноги калачом, да ныл под
нос что-то нудное. Когда мы с Добрыней пошли к коновязи
с сёдлами, остановил:

– Коня не надо. Мешает. Показывай, где тебя тащили.

Добрыня показал тот ручей, возле которого были следы
его похитителей. Хадиуль согнулся доземли, как будто ню-
хал её, потом, не разгибаясь побежал в лес. При беге он ино-
гда загребал и руками. Казалось, паук бежит. Мы кинулись
следом. Басурман бежал, дороги не разбирая. Ветки хлеста-
ли ему по лицу, всё нипочём. О корни спотыкался, через
спину, словно колесо, перекаtywался, дальше бежал. Мы с
Добрыней сперва еле поспевели, а потом и вовсе отставать
начали. На благо, вскоре достигли цели.

Избушка старинная, мхом да лишайником покрытая, и
впрямь, как на курьей ноге пристроилась. Столб бод ней буд-
то когтями, корнями в землю вцепился. Лес вокруг хмурый,
сказочный. Не привык я в бою бояться, а тут так уйти захо-
телось, никого не тревожа. Нечистью да нежитью там веяло.
Хадиуль подбежал к столбу, вынул из одежды коробочку зо-
лотую, высыпал под корень пыль какую-то. Тут же стон до-
нёсся, громкий и отовсюду, как будто весь лес застонал. Мы
с Добрыней стояли как два соляных столба. С колдовством
биться нас не приучили. Хотя, Добрыня Бабу Ягу как-то одо-
лел, но не помнил, как.

Внезапно наступила тишина. Мёртвая, как на кладбище. Тоскливо стало! Но долго тосковать не пришлось. Снова раздался звук громкий, нечеловеческий. Только теперь – яростный вой. Вместе с ним из лесу вылетело чудище. Дева с седыми длинными волосами, белыми горящими глазами без зрачков, с бледной кожей и в саване. Нежить вцепилась длинными когтями в спину Сихыру, зубы вонзила ему в затылок. Тут стало понятно, кого бить. Мы с Добрыней вынули мечи и бросились на врага. Да куда там! Клубок из Хадиуля с ведьмой так быстро крутился, что возможно было рубить только их вместе. А потом объясняй воеводе, почему каждый принёс по половине посла.

Хадиуль вытянул руку к избушке:

– Утергэ!

Из домика донёсся жуткий вой умирающего зверя. Ведьма со спины шамана свалилась:

– Не убивай отца!

Я бросился к нечисти с мечом, но Добрыня меня задержал. Теперь нежить выглядела как худенькая девушка с вислокоченными волосами соломенного цвета. В глазах появились чёрные зрачки. Они умоляюще смотрели на колдуна. Сихыр потянул рука к себе:

– Жибэру.

Вой прекратился. Хадиуль не обращал внимание на струящуюся по спине кровь. Он смотрел сверху вниз на девушку:

– Приведи мне Бабай-ага, отпущу твой ата. Пусть лампа

несёт, который украла.

Девушка поднялась и молча побрела в лес. Я поинтересовался:

– А кто там в избушке воет?

– Соловей-юлбасар, – просто ответил Хадиуль.

– Так давай его убьем, и дело с концом!

– Моя у Бабай-ага лампасы забирать, твоя – Соловей-юлбасар секир башка делай. Батыр будешь.

Всё, устал я лясы точить. Бражка в сон клонит. Пусть завтра хозяин про Бабу Ягу поведает, а потом я доскажу про битву с нечистью.

Глава 6

Да, Илюша, потрепали вы нас тогда. Знатная сеча была. Вон, морда у меня до сих разворочена. Добрыня твой постарался. Я не в обиде, чай ему побольнее досталось. Марека жалко. Чай Руси пособлял, караваны грабючи. Да поделать ужо нечего. Что свершилось, то свершилось.

Я про Бабу про Ягу рассказать обещался. Про неё более с Агнешкиных слов знаю. Сам общался не часто. Про те общения уже сказывал.

Так вот, пошла Агнешка к Бабе той во учение, как Лешак наказал. Проживала Яга, как по сказке положено, во лесу дремучем. Изба, правду сказать, не на курьей ноге стояло. То Добрыне примерещилось, когда нашу с Мареком хибарку узрел, на столбе стоявшую. Изба была добротнее нашенской, пятистенная. Никакой к избе тропинки не было. Да и кому вздумается, к Яге на обед пожаловать? Леший наказывал:

– Ты девка по-своему, по-кикиморски у Яги проявляться в избе из ничего не вздумай. Она женщина нервная, колдовство у неё тяжёлое. Пешком иди. Вот тебе клубочек, с ним не заблудишься. Бросать не нужно. Оберег это против тропок путаных.

Продравшись сквозь лапы ельника густого, вышла наша девочка на место жуткое, поляну страшную. Вся поляна кольями была утыкана кольями. На кольях тех черепа были на-

сажены. Звериные вперемешку с человечьими. Видно никаким мясом ведьма не брезговала. Дело было вечернее, небо тучами затянуто. В сумраке этом нерадостном горели глаза черепов светом адовым. Когда пошла вперёд кикимора, шесты за ней повертались провожаячи. Полетел туман от избушки, а с тумом тем, шёпот зловещий сплетается:

– Уходи, гостя незваная!

Агнешка малодушием не отличалась, тут струхнула нещадно, но пошла пряменько, не сворачивая. Вдруг, по стороны избушечки вспыхнули шесть факелов, колдовством подожженные. Дверь медленно со скрипом отворилась. На пороге появилось чудище страшное, лохматое. Нога костяная, когтистая как у Филина, глаза огнём горят, зубы торчком торчат. На горбатой спине кот чёрный примостился. Голосом страшным чудище завыло:

– Вот и ужин пожаловал!

– Я от Лешего, – спокойно ответствовала Агнешка, – на обучение прислал.

– Хоть бы предупредил, старый чёрт, – уже нормальным человеческим голосом сказало чудище, – а я тут спектакли разыгрываю не хуже Виктюка, да смолу на факелы трачу. Заходи, коли пришла.

Баба Яга отодвинула от прохода невсамоделяшнюю ногу, сама прошла вглубь избы. Агнешка двинулась за ней. В избе было чистенько и выскоблено, как у доброй хозяйки. Яга кота со спины бережно убрала, лохмотья вместе с горбом с

себя стянула, осталась в простом бабском сарафане поверх рубахи льняной. Агнешка же на полки, книгами заставленные уставилась, да на сто, не яствами, а бумагами заваленный. Будто бы хозяйка на обед бумагой пробавлялась. Яга взгляд гостьи проследила, да ухмыльнулась:

– Пушкина и Лобачевского здесь не найдёшь, зато есть повод ознакомиться с трудами Абу-аль-Касима за-Захрави и Игнатия Смолянина. Да ты присаживайся, – Яга сама села на скамью диковинную, для одного седалища. Скамья та спинку имела, как у трона княжьего, да подушечку для мягкости сидения.

Присела и кикиморка. Вдруг, случилось волшебство: книги поползли по столу, а потом и полетели. Выстроились на полках, как воины в ряду боевом. Колдовство сплошное. Ну, Агнешке не привыкать, среди всего этого мракобесия с пелёнок выросла. Хотя, не ведаю, есть ли у кикимор пелёнки, спросить у Марека не удосужился, а теперича поздно уж. Не испугалась. А хозяйка из сундука скатерть льняную вынула, да на стол расстелила. На скатерти той стали появляться яства, кушанья всякие. Какие? Ну, не знаю. Что там богатые едят? Перепела, поросёнок может, был. Ну не каша ведь! Агнешка только сладости попробовала. Она человеческую пищу не употребляла, а сладости шибко обожала.

– Я тоже всего этого не ем: диету держу, – заметила разборчивость кикиморы Яга, – а у этой скатерти по меню не выберешь. Для гостей держу. Кофе бы чашечку! Я в своём

мире кофеманкой была. А тут, ни достать, ни наколдовать не могу, пробовала.

– В каком-таком, своём мире? – поинтересовалась внимательная Агнешка. – Есть бабийёжий мир?

– Нет. Такой же мир как здесь, только позже, в будущем. Я проверяла, история совпадаети деятели государственные. Я там нормальным человеком была. Нет, буду. Хотя, скорее всего, уже никогда не буду. Я врачом работала. Потом эпидемия случилась, люди умирать стали, а те, которые выживали, способности новые получили. Колдуны появились, людоеды, экстрасенсы всякие. Я тоже поколдовывала. Думала применять новые навыки в лечении пациентов, не очень получалось. Это хорошо, когда ты один такой уникальный, а когда все вокруг необычные, уже сложнее. Начальник мой, доктор Пиковский, так тот одним только прикосновением рук лечил. Потм взрыв был ядерный. Меня сюда как-то забросило. Сначала меня убогой считали, юродивой. Пыталась и здесь людей лечить. Получалось. Во только меня быстренько в ведьмы переквалифицировали. За малым в реке не утопили. Хорошо, водяной вытащил, да леший в этой избушке приютил. Теперь вот общественной работой нагружает. Тебя, значит, на учёбу ко мне прислал?

Агнешка виновато сложила руки на коленях.

– Не стесняйся, – успокоила Яга, – мне не в тягость. Даже веселее. Хоть поговорить будет с кем по-человечески. Хотя, какие из нас люди?!

Хозяйка пристально посмотрела на гостью:

– Ты каких кровей будешь? Леший говорит, из Германии пришла.

– Из Швабии.

– Это на границе с Францией?

– С Бургундией!

– Ах, Бургундия! – мечтательно закатила глаза Яга, – Шабли, Шамбертен! В прошлой жизни не была, может, в этой сгонять? Мечты мечты, – Яга тряхнула головой, – так ты кто,? На домовую похожа.

– Кикимора я.

– Кикимора? – хозяйка внимательно осмотрела девочку, та услужливо показала острые зубки. видала я кикимор, они страшные, грязные и невоспитанные. А ты вон какая чистенькая да скромная. Одно слово, Европа. Там, значит, даже кикиморы поприличнее наших.

– Разные бывают, – вежливо уточнила Агнешка.

– Надо как-нибудь сесть за научный труд по классификации всяких древних народов. Вот вы, например, с одной стороны на домовых похожи, а с другой, пугаете как баньши. Обратней всяких превеликое множество. Ладно, это потом. Чему же мне тебя, девонька научить? В магии я недавно, сама всего не постигла, а ты в ней с рождения живёшь. Сколько тебе, кстати, лет?

– Мы счёт не ведём. Меня цифрам только Ламех учил, который Леопольдом потом стал. А до этого я ничего по ариф-

метики не знала.

– Какой такой Ламех-Леопольд?

– Ну, маг молодой, потом рыцарем стал. Мы дружили. Его ещё отец убить хотел, который у семьи его украл, а потом в оборотня превратился.

– Стоп! – хлопнула Яга ладонью по столу. – Про твоего друга интересно, но это потом расскажешь, спокойно, за чаем. История, видать, занимательная. Ты каких правителей помнишь?

– Человеческих?

– А каких ещё?

– Разные бывают. С человеческими не общалась.

– Так... решено! Я тебя наукам для начала обучу, которые немного помню. Математике, Географии, биологии, по-русски писать и читать будешь. Остальные языки вместе постигать станем.

– Я немного по-немецки и на латыни умею, Ламех учил.

– Умница.

– А как к Вам обращаться можно? Просто, Яга или Баба Яга?

– Зови меня Олеся Александровна. Так меня в моём мире звали.

Так и стала Яга, Олеся Александровна, учить Агнешку счёту цифирному, чтению книжному да писанию чистому. Рассказывала про стран расположение, рек проистечение и растений произрастание. А Агнешка Яге про свои похождения.

ния поведывала, как жилось-былось ей в странах зарубежных. Про колдунов рассказывала и оборотней, про монахов, что живых людей и нелюдей на кострах жгли. Дошло дело, рассказала и про наши с Марекком шалости. Как рыцарей ливонских грабили. Тогда Яга призадумалась, отменила на седмицу обучение:

– Всё, каникулы. Гуляй, отдыхай. Мне своими делами заняться нужно. Через месяц придёшь.

Когда уходила Агнешка из избышечки, кинула взгляд назад нечаянно. Яга достала блюдечко, катнула по нему яблочко, и появились на блюдечке том картиночки. Яга с интересом их рассматривала.

Когда же Агнешка вернулась со своих каникул, ведьма хитрая и показала ей на блюдечке лампу ту старую, за которой впоследствии мы с Марекком хаживали. Да то я уже рассказывал. Помог соловей-разбойник с печи слезть убогому на свою погибель страшную.

Когда колдун тот к избышке подошёл, стал Марек кататься по полу. Пытается исчезнуть по- ихнему, по-кикиморски, да не в силушках. Стонет бедный, мается. Я ему и чарочку подносил и уговаривал, всё не на пользу. Потом вдруг взвыл кикимор по-звериному. Будто тьма медведей в капкан попавшие. И обмяк, сознание теряючи. Тут в избу злыдень Добрыня влазит. Я ухватом на него, он мечом меня. Выпал я на землю с лицом, окровавленным. А вокруг вихри кружатся. Яга с колдуном басурманским сражаются. Избушка вдруг за-

горелася да на множество кусков разорвалася. Вместе с Марком и Добрынею.

Я кровь тряпицей вытер. Порадовался, что не лишился зрения. Этим зрением и увидел я комочек под кустиком. То Агнешка была без сознания. Взял её на рученьки и ушли мы с поля лихого.

Глава 7

Так вот, куда кикиморка девалась! Я думал, она с Ягой и колдуном... чего не делать? Не говорить с конца? Не интересно будет? Ну слушайте с начала.

Стоим, значит, мы возле избушки, мнёмся, не знаем, куда себя применить в ожидании. Точнее сказать, мы с Добрыней не знаем, куда себя применить. Хадиуль же очи смежил, уткнул кулак десницы в ладонь шуйцы и затянул своё заунывное:

– М-м-м...

Лицо его стало совсем старым, морщинистым, словно кора дубовая. Тяжело, видать, мычать вот так, по-коровьему. Вдруг, из леса донёсся треск да буханье такое, будто землю бревном цельным трамбуют. Повалилось сухой вековой ствол, через него шагнуло чудище страшное, ростом сажень пять. Одето чудище было в мхи и лишайники, на горбатой спине пристроился вяз кривой, невысокий. Нос ведьмы свисал чуть не на полтулова. На узловатых старческих пальцах – когти по два аршина. Совсем не похожая на ту Ягу, что нам хозяин расписал. Ведьма шагнула огромной костяной ногой через кряжистый выворотень. Тут только сихыр соизволил глаза раскрыть. Спокойно глянул на противника:

– Матур кыз. Красивый девушка, говорю.

Чудище заревело страшным голосом:

– Чего тебе надобно в наших краях, Басурманин? Уходи подобру-поздорову!

– Ты тоже не тагибый тылсымчы. Не из нашего йорта, не вовремя здесь. Чужой. Мог бы меня убить, Бабай-ага, убил бы сразу. Почему такой страшный сделался? Сделайся гади.

– Сам ты гади, – уже не так уверенно огрызнулась Яга, – имидж у меня такой.

– Я говорю, прими простой имидж, не трать силу. Я не боюсь, а молодые батыры и так уже покакать сделали.

Сделать мы не сделали, но очень были к этому близки. Стояли как два столба, zenки вылупив. Добрыня даже меч выронил. Или я выронил, не помню уже. Яга же превратилась аккурат в такую бабу, про какую Фёдор говорил. Только одета она была в какие-то лохмотья, а подмышкой ендову медную держала. Вот из неё голос и раздался:

– Позволь, счастье моей жизни, я этого нахала в порошок сотру.

– Только попробуй, пожелай! – как-то визгливо воскликнул Хадиуль, – Я заклинаний читал. Все со мной погибнут! Бабай-ага не злой, учит, лечит. Жалко друзей.

– А ты не... ничего говорить не буду, опять за желание примешь, – сказала себе подмышку Яга.

– Любой желаний твой выполню, щербет моего сердца, – проворковал слащавый мужской голос из лампы, – волю мне дашь, ковром у твоих ног лягу.

– Какую волю?! За чашку кофе выманил второе желание,

а мне ещё домой возвращаться.

– Забже гада! – донеслось из избушки. – Глову одервач!

Выбежала из леса кикимора, рванулась к избушке, но Яга её схватила за сарафан, не пуская. Хадиуль указал в сторону голоса:

– Соловей-юлбасар живой ходить будет. Злая девочка, – он потёр укушенное плечо, – тоже живой будет. Молодой батыр не умрёт, а много маленьких батыров сделает.

Я когда про маленьких батыров услышал, мигом из замороженного состояния вышел: чего это басурманин тут решает, кому жить, кому – нет. В бою меч должен такие решения принимать. Вспомнил, что от нас сейчас, может, исход с Ордой противостояния зависит. Говорю Яге так строго:

– Вы, женщина, вещицу-то краденую владельцу законному возверните.

– О! – повернулась в мою сторону ведьма. – Нарисовался защитник обездоленных. Привёл иностранного шпиона, теперь права качаешь?! Да знаешь, представитель госорганов, какая силища в этой лампе сокрыта? Она любое желание выполняет. Даже, три. Этот азиатский гастарбайтер быстренько с ней мир завоюет, всех на колени поставит.

– Вечно вы бабы за мужиков решаете, что нам нужно, – не сдался я, – может, пожилой человек себе дом новый пожелает, тройку вороных да жену красавицу. Или четырёх жён. Я слышал, у них можно.

– Тебе, женщина, какое-такое дело, что я с этим миром

делать стану? Всё равно в свой йорт уходить будешь. Загадывай свой желаний, отдавай лампу. Добром разойдёмся, всем хорошо.

– Вообще-то, я Маджиду обещала, что отпущу его последним желанием, – сказала Яга.

– Своим Маджидам обещай что хочешь. Джинна отдай!

– Так он и есть джинн, Маджид. Зовут его так.

Ханский колдун рассмеялся так, что, казалось, земля затряслась. Отсмеявшись и вытерев слёзы он уточнил:

– Джину?! Обещала? Глупая женщина. Джинн для того заточается в лампу, чтобы служить хозяину, а не Иблису. У него ни рук ни ног нет. Зачем ему свобода? Куда ему ходить? Джинн из чистого огня сделан. Огонь очаг греть должен, лепёшка печь. Знаешь, Женщина, что бывает, когда огонь на волю выпускают? Я скажу: пожар будет.

Хадиуль говорит, говорит, а сам потихонечку какой-то горшочек малюсенький из-за пазухи тянет. Бросил супостат тот горшочек меж собой и Ягой. Начала земля пучиться да дыбиться. Холмом поднялась высотой в три человеческих роста, появились в очертании холма голова и руки огромные. Махнула лапища, полетела в кусты Яга с кикиморкой вместе. Лампа в другую сторону, в овраг отправилась. До пояса вылез земляной человек, а далее – никак. Упирается ладонями в твердь, а полностью вылезти не в силах. Мы же с Добрыней стоим дурни-дурнями, не разберёмся, с кем тут сразиться. Сихыр вытащил из-за пояса короткую кривую саблю, пошёл

к Яге. Вот это – по-нашему. чтобы хоть чем-то заняться, я пошёл за ним. Добрыня же, хитрец, полез в избушку. Видать, под шумок решил с соловьём разделаться. Догада!

Обошёл я земляного человека, машущего рукам в бесильной злобе. Хадиуль рубил кусты, пытаюсь найти свою соперницу. Я присоединился.

– Потеряли чего? – донеслось совсем с другой стороны.

Яга стояла совсем с другой стороны. Я попытался на неё кинуться, да не тут-то было: ноги густо опутало кореньями. Рядом задёргался сихыр, пытаюсь высвободиться.

На краю зрение померещилась бегущая на меня кура с отрубленной головой. Дабы прогнать наваждение, повернул голову. Это не было наваждением, это был кошмар: по просеке бежал дом на курьих ногах. Из рассказов Добрыни я знал, что за жилище с лапой птичьей он принял домик на столбе. Я уж думал, что развенчал сказку детскую, а тут такое! Ноги были настоящие куриные аж до голени. И вот этой самой ногой, даже не замедляя ход, избушка врезала по земляному человеку. Тот с глухим звуком обрушился огромной кротовиной.

– Не работают твои восточные чудеса против русских, – злорадствовала Яга, – небось из песка легче големов творить, чем из чернозёма плодородного?

Ведьма уже держала в руках лампу. Хадиуль разрубил державшие корни саблей, но не бросился на женщину, а отбросил оружие, начал мять одну руку о другую, как будто

гончар разминал кусок глины. Я тоже рубанул по живым путам и кинулся рубить живую избу, но не добежал. Восточный колдун выбросил руки вперёд. Из ладоней вырвался навстречу Яге небольшой огненный шарик. Яго сделала движение руками сверху-вниз. Шарик ударился и отлетел в аккурат по ближнему ко мне избушкиному углу и разлетелся с грохотом. Меня отбросило волной горячего воздуха. Пакля в щелях между брёвен вспыхнула. Избушка испуганно подпрыгнула на месте и побежала в сторону реки. Хадиуль захохотал:

– Сама решила свой сарай спалить?!

Баба с грустью проводила взглядом раненное жилище. Басурманин воспользовался этим, подбежал к ней и взмахнул своей кривой саблей. Яга взмахнула рваными рукавами, лампа вырвалась из слабеющих пальцев, полетела вверх. Женское тело осело в припаленную летней жарой траву.

Хадиуль пошёл ловить заветное сокровище. Из лампы понеслась скороговорка:

– Солнце моего неба! Что с тобой?! Вставай. Потри лампу, загадай, чтобы твой Маджид тебя спас. Когда ты бросала лампу, ты де её потёрла? Я почувствовал, потёрла! Загадай, чтобы я тебя спасал! Ещё один желаний есть! Загадывай!

– Ты свободен, – шевельнулись губы Яги.

– Не расслышал, алмаз моего сердца. Перенести тебя в твой мир, чтобы там тебя спасли?

– Ты свободен...

– Убить зловредного колдуна?

– Свободен! – из последних сил рывкнула умирающая ведьма.

Я увидел, как из летящей лампы заструился слабый, но яркий красный дымок. Хадиуль схватил медный сосуд, зачерпнул горсть пыли и стал яростно натирать и без того блестящий металл. Дымок превратился в целое облако из которого вылепилась мужская фигура. Джинн был голый по пояс, ниже пояса были надеты просторные штаны. Я слышал, что у них, у басурман, такие называют «шальвары». Мужчина был невысок. Богатырским телосложением не отличался. Выдающимся был только крупный орлиный нос. Хадиуль зачем-то поднял руки вверх и начал торжественно вещать:

– Повелеваю тебе, раб лампы...

Джинн не слушал. Его ноги оторвались от узкого горлышка. Маджид стал рядом с хадиулем.

– Да ладно! В натуре, что ли?! От души, дорогая!

Он пальцем толкнул Хадиуля. Тот улетел в кусты. Маджид бросился к умирающей Яге:

– Я тебя и полечу и на своих руках в твой мир отнесу. Покажешь, как живёшь, с родителями познакомишь. Они нам плов сделают. Покушаем.

Так приговаривая, джинн взял бабу на руки. Вокруг них закрутился вьюн из пыли. Из кустов, куда улетел Хадиуль вырвался ещё один огненный шарик и отчаянный крик си-хыра:

– Умри, собака!

Джин слегка повёл плечом, и огонь пролетел мимо, взорвавшись прямо в избушке на столбе, глее был и мой друг Добрыня т Соловей-разбойник. Меня взрывом опять отбросило в кусты. А мне не привыкать, пожалуйста, жгите свои строения. Добрыню только жалко до слёз.

Хадиуль же выскочил из кустов маша саблей, попал в пылевой выюн. Что-то хлопнуло, и выюн исчез, унося в неизвестный мир сразу трёх сказочных персонажей. Я остался на поляне совсем один. Долго, наверное, сидел, не помню. Потом вернулся к коням, прискакал к Путиславу, обсказал, как дело было. Ну, не совсем, как было. Не говорил, что стоял всю кампанию столбом, стыдно. Сказал, что с Соловьём сражался. Меня назначили главным героем. А что? Добрыне уже всё равно, а мне – польза. Женился я на Любаве. Вот теперь какой годок по войнам скитаюсь, чтобы домой носа не казать. Но про эту стервь отдельную былину нужно рассказывать. Не как про Бабу Ягу, а по-настоящему страшную... налей мне Фёдор ещё кикимеровки, разжалобило меня от воспоминаний.

Сказке конец

Корчмарь плеснул в Илье в кружку жидкости. Тот опрокинул питье в глотку. Зажмурился. Между век выкатилась слеза, то ли от крепости напитка, то ли от воспоминаний. Некоторое время в питейном заведении стояла тишина, потом посыпались вопросы:

– Чего далее случилось? Куды кикимора подевалась. Или теперь под печкой прячется да нас слушает?

Фёдор задумчиво перетирал кружки суконкой, будто не было у него прислужницы Матрёны. Казалось, он и не слышит, что происходит в его заведении. Через время ответил:

– Помыкались мы с Агнешкой. Всё ей избу выбирал подходящую, с хозяевами добрыми. Грустная девка была после гибели родителя. В конце концов решилась. Уехала Агнешка к своему Леопольдушке в страну... забыл... на Глагол страна кличется... да не Гешпания, чёрт. Вспомнил! Гаскония! Там ещё ягода-виноград растёт. Как клюква, только совсем другая. Из неё вино сладкое заморское квасят. Тепло там и океян есть.

– Врёшь ты. Мой свояк на океяне был. Там холодно и горы ледяные по воде плавают, медведи там окраса белого, а люди ускоглазые рыбу-кит ловят, жиром еёйным питаются.

Народ ещё немного погалдел и стал расходиться. Окончательно расквасившегося Илью слуга потащил в крытые сани.

Остался только баян Никодим. Он сидел возле потемневшего окна, затянутого бычьим пузырьём, и задумчиво ковырял деревянной ложкой в тарелке с кашей. Бабка Матрёна собирала со столов. Фёдор считал выручку. Вдруг, дверь резко распахнулась, ударившись о стену. В корчму залетел снег, за ним решительным шагом вошли трое вооружённых стрельцов в чёрных повседневных кафтанах. За ними зашёл стрелец понаряднее. По зелёному кафтану и малиновой шапке Фёдор определил сотника третьего московского полка.

– Кто хозяин? – зычно выкрикнул старший.

– И тебе здравия желаю, господин начальник, – спокойно отозвался Фёдор не вставая из-за стола, – по какой надобности прибыли?

Матрёна оставила уборку и юркнула за занавеску в кухню. Стрелец продолжал тем же командирским басом:

– Заарестовать тебя, шельму, пришёл. За незаконное содержание питейного заведения и производство горячего вина. Чай, читал царёв указ, что всё хмельное производство должно приносить доход только в казну? Собирайся сам, или силой поволоку!

Баян у окна хихикнул. Стрелец на него недобро зыркнул, но ничего не сказал. Корчмарь поднялся. Что-то тихонько ткнуло в спину. Фёдор не глядя взял у Матрёны грамотку, протянул её командиру. Тот, так же не глядя перенаправил свиток самому шуплому стрельцу:

– Читай!

Чем дальше читал молодой воин, тем менее решительным становился вид сотника. Губы его всё явственнее повторяли услышанные слова:

– Высочайшим указом... за подвиги ратные во славу государства... воеводе Добрыне Филаретовичу...

Стрелец бухнулся на колени:

– Прости, воевода, не признали! Сами не имели чести лицезреть, а нас не уведомили. Да я про твои подвиги...

– Вечерять не предлагаю, – сухо ответил Фёдор-Добрыня, – не заслужил. Коли слышал про мои похождения, знай и людям своим накажи: кто скажет, что видел меня здесь, сделаю то же, что с литовским боярином под Стародубом.

– Не изволь сумлеваться, Воевода, елейным голоском пропел грозный стрелец, пятась к выходу.

Когда дверь тихонько затворилась, все вернулись к своим занятиям. Некоторое время был слышен только скрип протираемой посуды да звон считаемых монет.

– Ты почто, Добрыня, решил мне былинку попортить, новую сказочку выдумал? – нарушил молчание сказитель.

– Илюху я сразу заприметил, – отозвался корчмарь, – решил сразу пояснить, кто есть Фёдор, кто – Никодим, и откуда мы его дружка Добрыню знаем. Неохота мне из мёртвых воскрешать. Войны нет, а воеводские мирные дела вершить, как эти, – он кивнул на дверь, – кабатчиков трусить, не моё это. Ты лучше поведай, как там Яга поживает.

– Нормально поживает. Всё с Маджидом своим собачит-

ся. Он мужчина старых порядков, а у Яги один феминизм на уме. Это у них там такой порядок, когда баба ежели ничего делать не хочет, тогда слабая, а ежели покомандовать захочет – равноправие.

– Пропал мужик, – посочувствовал Добрыня, – а ещё джинном называется. Любовь!

– Они тебе батарейки для фонарика передали, занесу. А мне тулупчик придарили на пуху лебяжьем. Стёганный, как одеяло. Тёплый, но лёгкий. И окраса жёлтого, скоморошьего. Пьяный в сугробе заснёшь, враз сыщут. И волки в лесу пугаются. А ты, небось, к Мареку ездил. Как он там.

– Начитался ягиных книжек, электростанцию на Влтаве поставить решил. Его профессором в Пражский университет зовут. От Агнешки привет передавал. У них с Леопольдом раздрай. Тот как узнал, что не в Индию плавал, а на континент Америку, собрался снова в путешествие, а жена ни в какую не хочет с малым ребёнком без мужа куковать.

– И тут баба свои порядки устанавливает! Вот с ними сложно.

– Старый ты хрыч! Ч же говорю: любовь.